

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2018 – 1 (307)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2018**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Редакционная коллегия:

И.В. Зайцев – д-р ист. наук, доцент, шеф-редактор.

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Кашаф*, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2018. – № 1 (307). – 112 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Ланда Р.Г.</i> Революции 1917 г. в России и страны Востока.....	5
2018.01.001. <i>Барановский В.Г.</i> Изменения в глобальном политическом ландшафте.....	15

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2018.01.002. <i>Магомедова М.А.</i> Проявления религиозно- политического экстремизма в Республике Дагестан и меры противодействия	22
2018.01.003. <i>Тауканова З.Ч.</i> Этнический фактор в гендерных отношениях и процессах: Кавказский ракурс	25
2018.01.004. <i>Олимова С.К., Олимов М.А.</i> Конфликты на границах в Ферганской долине: Новые причины, новые участники	29
<i>Гафуров У.Т.</i> История формирования и перспективы развития системы исламского образования Управления мусульман Узбекистана.....	39

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Малеки Реза.</i> Взаимоотношения культур Ирана и России: Вызовы и перспективы	54
2018.01.005. <i>Шангараев Р.Н.</i> Идеологические аспекты внешней политики Турции.....	59
<i>Бибикова О.П.</i> Ислам и мусульмане Чешской Республики	62

<i>Шаринов У.З.</i> Геостратегическая роль Запада в обострении политических и конфессиональных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке.....	79
---	----

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Добаев И.П., Гаджибеков Р.Г.</i> «Шахидизм»: Разновидность терроризма, прикрывающегося исламом.....	90
<i>Юсупова Н.Ж.</i> Особенности семейных отношений в исламском праве.....	105

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Ланда Р.Г.,

доктор исторических наук

(Институт востоковедения РАН)

РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ И СТРАНЫ ВОСТОКА

***Аннотация.** В статье рассматривается влияние, которое оказали две российские революции 1917 г. – Октябрьская и Февральская – на страны и народы Востока. Особое внимание уделено реакции мусульман Российской империи и воздействию на национально-освободительное движение арабов на территории бывшей Османской империи.*

***Ключевые слова:** Февральская и Октябрьская революции 1917 г., страны Востока, мусульмане, духовенство, национальные меньшинства.*

Сто лет тому назад наша страна стала ареной двух революций – Февральской и Октябрьской. Обычно вспоминают лишь вторую из них. О ее значении есть весьма серьезные споры и разногласия, они до сих пор актуальны и у нас, и за рубежом.

Для большинства россиян, и тем более союзников России, февраль 1917 г. был неожиданностью. Консервативная часть общества, в том числе знать мусульман России, их военная элита и духовенство, конечно, сожалели и называли это событие «Великой анархией, от которой нам надо поскорее избавиться»¹.

В то же время мусульманские либералы (джадиды) поддерживали «революционный Февраль». Но более влиятельные «кадимисты», т.е. приверженцы старого, считали, что свержение «Ак Падишаха» (т.е. Белого царя), несомненно, подрывает авторитет России и ее способность выполнять свои обязательства в отношении мусульман. В целом непредсказуемость российской действительности, рожденная февралем 1917 г., внедрила в среду мусуль-

ман разброд, усилив, а кое-где породив почти отсутствовавшие настроения сепаратизма.

Временное правительство формально гарантировало всем национальностям России право собственности, свободы передвижения, выбора профессии, право быть избирателем и обучаться на родном языке. Оно разрешило создать такие организации мусульман, как Комитет горцев Северного Кавказа при участии Саид-бея (внука имама Шамиля), назначило комиссарами Временного правительства и Госдумы влиятельных представителей знати мусульман Ахмеда Байтурсуна и Абдул Азиза Давлетшина. В Москве возник Мусульманский народный комитет из лояльных властям касимовских татар-предпринимателей. К ним присоединились потом такие оппозиционеры, как меньшевик-осетин Ахмед Цаликов (Цаликатты) и популярный татарский писатель эсер Гаяз Исхаки. В Петербурге было создано Временное центральное бюро российских мусульман во главе с А. Цаликовым (ВЦБРМ). Оно созвало в Москве в мае 1917 г. Первый Всероссийский мусульманский съезд.

Часть его участников выступала за «победу наших доблестных войск», но остальные поддержали главного делегата партии кадетов (одновременно – лидера джаидов) Садри Максуди, заявившего: «Мы, мусульмане, по вопросу о проливах и Константинополе не разделяем тех чувств, которые вас волнуют». Он высказался за отказ от «раздела Турции и уничтожения Константинополя», но его выступление за «войну до победного конца» вызвало неприятие большинства ВЦБРМ, осудившего «империалистические лозунги» кадетов. Вопреки мнению «традиционалистов» (в том числе А. Букейхана – кадета, масона и старшего из потомков Чингисхана в Казахстане) ВЦБРМ поддержало «идею свободы не только в Европе, но и в Азии и Африке, среди всех народов мира, без различия их происхождения, религии, цвета и расы»².

Так впервые было сказано о проявлении солидарности сторонников «русского Февраля» с угнетенными народами Азии и Африки. Реально это – первая попытка «февралистов» заявить о себе на международной арене. Однако февраль 1917 г. вне России отклика почти не получил. У него оказалось слишком много проблем, противоречий и неувязок, слишком много разногласий, боровшихся друг с другом идеологий и фракций, этноконфессиональных течений, интересы которых расходились, а лидеры откровенно соперничали.

Элен Каррер д'Анкосс писала впоследствии: «Крах монархии в феврале 1917 г. породил у каждой национальности и у каждого социального слоя России самые большие надежды. По мере распространения революции по территории старой империи меньшинства ждали от Временного правительства провозглашения их равенства»³. «Но Петроградский Совет, – продолжала она, – высказался лишь за культурно-национальную автономию, идея которой уже была отброшена ходом событий и полыхавшими страстями времени. Февральские лидеры были парализованы войной (общий развал России не способствовал военным усилиям) и придерживались формально юридического подхода ко всем важным проблемам в ожидании предполагаемых выборов в Учредительное собрание. Такой подход (“жди, а там посмотрим”) сначала разочаровал, а потом возмутил национальные меньшинства России. В течение лета нации начали отходить от революции, которая не брала на себя инициативу ответа на их чаяния...» Провал Временного правительства в национальном вопросе был очевиден, тем более что вставшие у власти политические партии включили еще раньше в свои программы принцип федерализма⁴.

Приведенная выше картина была не вполне точна. Каррер д'Анкосс, будучи права в принципе, все же дала не совсем точную картину событий. Временное правительство, многое наобещав, вовсе не собиралось обещанное выполнять. «Туземцам не следует предоставлять... полноту прав», – заявил, уже будучи премьером, А.Ф. Керенский бывшему генерал-губернатору Туркестана А.И. Куропаткину⁵. «Временные» не отдавали себе отчет в масштабах перемен, произошедших после февраля 1917 г., прежде всего в настроениях рабочих, крестьян, мобилизованных в армию, в их жажде немедленных, а не откладываемых на неопределенное будущее преобразований. Кроме того, «временные» совершенно не интересовались (на деле) желаниями и требованиями национальных и религиозных меньшинств России, тем самым отталкивая их от себя. Хотя только мусульман в России было 20 млн в 1910 г. и 30 млн в 1923 г. (несмотря на потери в Первой мировой и Гражданской войнах). Эта сила могла многое решить (и решила!) в ходе кипевшей в России политической борьбы 1917–1921 гг.⁶, но «временные» не приняли этот фактор во внимание, как бы «прогледели» его.

Они за все время правления просто не могли осознать значение тысяч поданных с мест резолюций, петиций, заявлений и обращений разных организаций, комитетов и собраний. Их обилие

свидетельствовало как о невообразимом многообразии проблем, накопившихся в русском обществе, так и о надеждах решить эти проблемы с помощью новых властей. К лету 1917 г. выяснилось, что эти надежды иллюзорны. Поэтому не только нацменьшинства, но и целые социальные слои и группы, общероссийские партии и организации стали отходить от Временного правительства, что и привело к его краху в октябре 1917 г. Сыграли свою роль, естественно, размытость, ненадежность, неопределенность опоры Временного правительства и сплоченность, организованность, решительность численно небольшой партии большевиков, революционной энергии которых «временным» нечего было противопоставить.

Февраль 1917 г. в России не имел зарубежного отклика еще и потому, что был сосредоточен на решении внутрироссийских проблем, но их не решил. Поскольку Россия продолжала вести войну, ее союзники по блоку Антанты были спокойны. Остальные воевавшие страны (всего их было 38 с населением около 1,5 млрд человек, считая жителей Китая, Индии, Египта и других колоний и полуколоний) были чересчур втянуты в боевые действия. В итоге из 70 млн человек, вставших в разных странах под ружье, в 1914–1918 гг. погибли 9,5 млн человек, свыше 20 млн были ранены, из них 3,5 млн остались на всю жизнь калеками⁷.

Значительными были потери самой великой державы ислама – Османской империи: 600 тыс. убитых, 2 млн раненых, падение производства в промышленности и сельском хозяйстве в 2–3 раза. В Сирии и Ливане, например, от голода и болезней умерло в 1914–1916 гг. до 40% населения⁸. Немногим лучше было положение в Ираке, Палестине и других арабских областях. К октябрю 1917 г. ни одна арабская страна практически не была независимой. Алжир был колонией Франции, Ливия – Италии, Марокко находилось под протекторатом Франции и Испании, Египет – Англии, Судан – тоже Англии, хотя формально он считался «совместным» владением Англии и Египта. Йемен и другие страны Аравии входили в состав Османской империи, за исключением Адена, ставшего еще в начале XIX в. одной из первых британских колоний в арабском мире, и ряда княжеств Персидского залива, превращенных к тому времени в британские протектораты. На территории Ближнего Востока с самого начала шли военные действия: английские войска (в значительной мере состоявшие не из англичан, а из жителей британских колоний, прежде всего индийских мусульман) воевали с османскими армиями, находившимися под командованием

немецких генералов и имевшими в своих рядах сотни тысяч солдат-арабов. В то же время на стороне Англии выступали бедуинские ополчения племен Хиджаза, поднявших в 1916 г. под руководством эмира Фейсала и британского разведчика полковника Лоуренса знаменитое «восстание в пустыне» против османского господства.

Подчиненная германцам, разоренная войной, Османская империя, населенная 60 этносами и 12 конфессиями, была «тюрьмой» народов. Пришедшие к власти в 1909 г. младотурки проводили массовые репрессии против нетурецких жителей империи, усилив их в годы войны, особенно против армянского народа. В ходе этих преследований, пыток, голода и изгнания мирного населения из мест традиционного проживания погибло до 1,5 млн армян⁹.

Столь же тяжела была судьба других нацменьшинств – греков, ассирийцев и, конечно, арабов. Последние по численности (10,5 млн человек) в полтора раза превосходили проживавших в империи этнических турок (7 млн человек). Однако они имели в парламенте только 60 депутатов против 150, представлявших турок. Насильственная ассимиляция нацменьшинств, преследование их национальных организаций, уничтожение их школ на родном языке были обычным делом. Поэтому и внутри империи, и вне ее, а также в рядах османской армии стали возникать нелегальные патриотические организации угнетенных народов¹⁰. Османы стремились к укреплению своей власти и, в частности, к восстановлению господства над Египтом. А британские империалисты заранее договорились с Францией о разделе арабских провинций Османской империи. И хотя этот сговор («соглашение Сайкса – Пико») держался в секрете, его суть стала ясна всем по завершении войны в 1918 г., когда, как писал в 1923 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин, «во весь рост встала основная послевоенная проблема: победоносная олигархия антантовских государств стремилась превратить весь мир в свои колонии»¹¹. Арабского мира это коснулось в первую очередь. И для арабов, поэтому, идеи Октября имели первостепенное значение, а влияние их было весьма весомым в самых разных слоях населения.

Борьба велась арабскими патриотами с конца XIX в.: достаточно вспомнить имена таких творцов Арабского возрождения, как Мустафа Кямиль и Неджиб Азури, Абд ар-Рахман Кавакиби и Азиз аль-Масри, многочисленные «общества реформ» на Ближнем Востоке. Однако они были еще далеки от народных масс

и в конечном счете почти ничего не достигли. Более того, с началом Первой мировой войны положение в большинстве арабских стран ухудшилось. Сотни тысяч арабов погибли от чудовищных лишений, были убиты, ранены и искалечены в рядах османской армии, умерли от голода и болезней. Только в Ливане в годы войны погибли от голода 100 тыс. человек¹².

Все это способствовало возникновению обстановки революционного кризиса в арабском мире. Явления экономического и политического краха усугубились за счет воздействия столь мощного фактора всемирного значения, каким явилась для арабов Октябрьская революция в России. Небывалый подъем освободительной борьбы арабов стимулировался тем, что к 1918 г. войска Антанты находились в Египте, Палестине, Сирии, Ливане, Ираке, где стремились подавить все попытки арабов обрести свободу, тем самым провоцируя их ответное сопротивление.

На арабов оказали влияние как события в России в октябре 1917 г., так и позиция мусульман России в ходе этих событий. В ходе Гражданской войны и превращения России в федеративное государство произошло чудо: «мусульманский социум оказался фактором стабилизации, объективно противодействующим его распаду»¹³. Конечно, это произошло после долгой, тяжелой и упорной борьбы, вклад в которую мусульман России нельзя отрицать, потому что революция вовсе не была только делом русских. И мусульмане участвовали в ней не просто, лишь иногда помогая большевикам «исключительно ввиду своего недоверия Временному правительству». Это недоверие сыграло свою роль, как и другие пороки «временных», да и повторявших их ошибки белых генералов. Но все же мусульмане России не стояли в стороне от революции. Они активно в ней участвовали, вопреки утверждениям знающих, но все же субъективно настроенных западных знатоков советской истории Александра Беннигсена и Шанталь Лемерсье-Келькеж¹⁴. Правительство Советского государства уже в ноябре 1917 г. опубликовало «Декларацию прав народов России», в которой речь шла о равенстве, праве на самоопределение и свободе развития всех нацменьшинств¹⁵. Через две недели, 20 ноября (3 декабря) 1917 г., в своем историческом обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» правительство Ленина объявило «верования и обычаи», а также «национальные и культурные учреждения» мусульман «свободными и неприкосновенными», одновременно призвав угнетенные народы мира свергнуть империалистических «хищников и поработителей»¹⁶.

Наряду с В.И. Лениным это обращение подписал и выдающийся татарский революционер Мулланур Вахитов, в январе 1918 г. возглавивший Центральный мусульманский комиссариат при Наркомнаце России.

Тогда же, в декабре 1917 г., советское правительство объявило утратившими силу тайные договоры бывшего царского режима с империалистами Антанты. Среди этих договоров числилось и ставшее впоследствии позорно известным «соглашение Сайкса – Пико». Это был секретный сговор Англии и Франции, заключенный в 1916 г. при участии царского правительства и предусматривавший раздел стран Арабского Востока, в то время находившихся под гнетом Османской империи. Разоблачение этого сговора советским правительством, огласившим содержание «соглашения Сайкса – Пико», вызвало подъем патриотизма среди арабов. Для них было особенно нестерпимо осознать, что империалисты, наживавшиеся на войне и тяжких бедствиях народов, обманывают их самым бесчестным образом, сговариваясь за их спиной.

Секретные документы, включая «соглашение Сайкса – Пико», преданные гласности в Петрограде, были немедленно, еще в декабре 1917 г., опубликованы в Бейруте. Эта публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы. В январе 1918 г. этот эффект усилился также известиями, полученными в Каире через Лондон и Париж, о решениях II Всероссийского съезда советов, отвергнувшего методы тайной дипломатии, аннексий и захватов. В то же время съезд поддержал право наций на самоопределение.

Лидеры Антанты предприняли сверхусилия, стремясь скрыть от арабов как истинную суть своих намерений, так и провозглашенное советским правительством главное условие демократического мира без аннексий и контрибуций: «каждая народность без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу». 7 января 1918 г. правительства Англии и Франции постепенно декларировали свое намерение «освободить» арабские страны от османского гнета. Далее последовали еще несколько таких же лживых заявлений и обещаний. Ту же цель преследовали и пресловутые «четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона, изложенные им в послании Конгрессу 8 января 1918 г. В этом послании, претенциозно названном «программой мира», президент США предусматривал возможность автономии для не-турецких народов Османской империи и якобы «справедливое» решение колониальных проблем. Но и англо-французские декларации, и «четырнадцать пунктов» Вильсона преследовали, по при-

знанию британского премьера того времени Дэвида Ллойд-Джорджа, одну цель – «предупредить разрыв с арабами»¹⁷.

Как считал арабский историк Амин Саид, Вильсону на какое-то время будто бы «удалось обмануть мировую общественность»¹⁸. Однако другой, еще более известный историк, Абдаррахман ар-Рафии, указал, что уже в апреле 1919 г., когда Вильсон вопреки своему якобы антиколониализму вполне официально признал протекторат Англии над Египтом, произвольно провозглашенный Лондоном вопреки воле египтян, народ Египта «начал понимать, что представляют собой в действительности пункты Вильсона, и ему стало ясно, что в них нет ничего серьезного»¹⁹. Подобные настроения среди арабов далее распространились еще больше, так как политика США была не менее колониалистской по своей сути, нежели политика Англии и Франции, отличаясь от нее лишь большим ханжеством и лицемерием. Уже весной 1918 г. в арабских странах стали создаваться комитеты действия против «соглашения Сайкса – Пико»²⁰. Разоблачение советским правительством этого тайного заговора колонизаторов против арабских народов явилось одним из стимулов подъема освободительной борьбы арабов. Доказательство тому – революционные движения 1919–1921 гг. в Египте, Ливии, Ираке, Сирии, Ливане, Палестине, Тунисе и Марокко. Характерно, что именно в это время на Парижской мирной конференции разрабатывалась по инициативе США система мандатного управления, которая была в дальнейшем применена именно к тем арабским странам, раздел которых предусматривался «соглашением Сайкса – Пико». И не менее характерно, что В.И. Ленин еще в 1919 г. заклеил систему мандатов, заявив, «что это – раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара»²¹.

При реализации своей программы империалисты, несмотря на подавляющее военное превосходство, столкнулись с мощным сопротивлением арабов, 1 тыс. сирийцев погибла в боях с 50-тысячной Французской армией у горного прохода Майсалун. Французы овладели Дамаском, но борьба продолжалась (например, только в 1922 г. сирийцы восставали 35 раз). К лету 1924 г. французы потеряли в этой борьбе до 9 тыс. военнослужащих²². Сирийский комитет единения арабов заявил в декабре 1920 г.: «Правительство Ленина и его друзей и поднятая ими Великая Революция для освобождения Востока от ига европейских тиранов почитается арабами великой силой, способной дать им счастье и благополучие. Счастье и покой всего мира зависят от союза ара-

бов и большевиков. Для достижения своей великой цели большевики жертвуют многим... Да здравствует Ленин, его товарищи и советская власть! Да здравствует союз всего ислама с большевиками!» В 1922 г. Комитет национальной независимости Ирака послал в Москву заявление о том, что «народ Месопотамии не остановится ни перед какими жертвами, чтобы отстоять свою независимость». Показательно также заявление в 1927 г. лидера панарабистов и вождя друзей Сирии эмира Шакиба Арслана: «Я не коммунист, не читал Маркса, но знаю, что Ленин был первым, кто внушил пролетариату чувство братской дружбы к народам колоний»²³. В 2001 г. о двух веках дружественных отношений с Россией говорил премьер-министр Ливана Рафик аль-Харири, подчеркнувший: «Наши взгляды с Москвой совпадают по многим вопросам»²⁴.

Все эти заявления были тесно связаны с борьбой арабов Ирака, добившихся в 1921 г. признания их государства, Египта, пережившего революции 1919 г. и 1921 г., во время которых египтяне называли создававшиеся ими органы власти русским словом «совет»²⁵. Также с борьбой берберской Республики Риф на севере Марокко в 1921–1926 гг. было связано заявление ее руководства: «Россия освободилась от своих угнетателей, и мы идем по ее пути»²⁶. Дольше всего сопротивлялись французским и испанским колонизаторам арабы и берберы Марокко (до 1934 г.), а итальянским фашистам – арабы Ливии (до 1932 г.). И для них, как и для народов Алжира, Палестины и других арабских стран, российский Октябрь послужил несомненным примером мужества и стойкости.

¹ Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX века. М., 1987. С. 45, 47.

² Мухаммед-Гаяз Исхаки: Из политической биографии писателя. (Вопросы истории. 2004. № 9. С. 6); Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 118–125; Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи). Нижний Новгород, 2007. С. 111.

³ Элен Каррер д'Анкосс – член Французской академии, ведущий специалист Франции по истории России и советской проблематике, связанная происхождением с русской и грузинской аристократией, свободно владеет русским языком. Автор многих трудов, переведенных на основные европейские языки.

⁴ Carrère d'Encausse, Hélène. The Great Challenge. Nationalities and the Bolshevik State, 1917–1930. New York, 1992. P. 71–72.

- ⁵ Верт Н. История Советского государства. М., 1992. С. 84–86; Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и проблемы ареальной типологизации и периодизации. М., 1993. С. 44; Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М., 1976. С. 13.
- ⁶ История Востока. М., 2006. Т. V. С. 26, 29–30.
- ⁷ История Востока. М., 2006. Т. V. С. 10.
- ⁸ История Востока. М., 2006. Т. V. С. 12.
- ⁹ Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. 1900–1945. М., 2001. Ч. I. С. 34.
- ¹⁰ История арабских стран. М., 2005. С. 177.
- ¹¹ Чичерин Г.В. Статьи и речи. М., 1961. С. 261.
- ¹² Новейшая история арабских стран. М., 1968. С. 536.
- ¹³ История Востока, 2006. Т. V. С. 29–30; Исхаков С.М. Указ. соч. С. 323–332, 513; «Эхо веков» (Гасырлар Авазы). Казань, 1999. № 1–2. С. 78–79.
- ¹⁴ Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay. Ch. Sultan Galiev. Le père de la révolution tiersmondiste. Paris, 1986. P. 75–76.
- ¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 15.
- ¹⁶ Документы внешней политики СССР. С. 34–35.
- ¹⁷ Новейшая история арабских стран. М., 1968. С. 14–15.
- ¹⁸ Саид А. Восстания арабов в XX веке. М., 1964. С. 39.
- ¹⁹ Ар-Рафин А. Восстание 1919 года в Египте. М., 1964. С. 263.
- ²⁰ Тума Э. Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М., 1977. С. 147.
- ²¹ Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 327–328.
- ²² Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965. С. 346–348; Les Arabes du Message à l'histoire. Sous la direction de Dominique Chevallier et Andre Miquel. Paris, 1995. P. 471–474.
- ²³ История Востока. 2006. V. С. 44.
- ²⁴ Известия. 01.11.2001.
- ²⁵ История Востока. 2006. V. С. 43.
- ²⁶ История Востока. 2006. V. С. 44.

*«Труды Института востоковедения РАН. Вып. 4:
Экономические, социально-политические, этно-
конфессиональные проблемы афро-азиатских стран»,
М.: ИВ РАН, 2017 г., с. 20–28.*

2018.01.001. **Барановский В.Г. ИЗМЕНЕНИЯ
В ГЛОБАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ //**
*«Пути к миру и безопасности». Спецвыпуск:
Проблемы терроризма, насильственного
экстремизма и радикализации
(российские и американские подходы),
М., 2017, № 1 (52), с. 55–63.*

***Ключевые слова:** международная система, глобальный миропорядок, иерархия на мировой арене, центры влияния, изменение в расстановке сил, основные международные игроки, мегаблоки, негосударственные акторы.*

Барановский В.Г.,
академик РАН, доктор исторических наук,
профессор, член дирекции Национального
исследовательского института мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН)

В статье академика В.Г. Барановского (ИМЭМО РАН) рассматриваются изменения, происходящие в современной международно-политической системе на глобальном и региональном уровнях. Автор отмечает, что современный политический ландшафт трансформируется и это вовсе не является «концом истории», как это воспринимают некоторые аналитики, оказавшиеся под влиянием идей Ф. Фукуямы. На данный момент происходит эволюция международной системы в целом. Данный процесс начался как замещение классической биполярности времен «холодной войны» на рубеже 1980–1990-х годов и продолжается в настоящее время. На сегодняшний день можно констатировать, что основные черты возникающего миропорядка обозначились уже достаточно четко.

Далее в разделе «Общие характеристики формирующейся мировой системы» автор формулирует следующие основополагающие характеристики мировой системы, которая находится в процессе становления.

1. Полицентризм новой мировой системы, хотя также необходимо учитывать и другие формулы, которые предлагаются для описания конфигурации складывающегося миропорядка, такие как «однополярный мир», «новая биполярность» (с разным составом участников), хаотизация международных отношений («игра без правил»), «концерт наций» (на основе договоренностей в рамках

узкого круга крупнейших держав). Подобные формулировки могут достаточно адекватно описать некоторые траектории современного международного развития, но они не подходят для обозначения его конечного вектора. Автор подчеркивает, что именно полицентричная организация миропорядка как организующее начало международно-политической системы – это наиболее значимая и широко принимаемая антитеза биполярности. Такая позиция далеко не всегда доминировала, так как синдром «победы в холодной войне» и распад Советского Союза вызвали к жизни представления об однополярном мире и соответствующим образом сориентировали политику США и их союзников. Однако эти представления оказались лишь временной и малосостоятельной антитезой более фундаментального и долговременного феномена полицентричности в международной жизни.

В обозримой перспективе – это тенденция к формированию полицентричного мироустройства, а в более отдаленном плане – ее необратимость. Полицентризм – это отнюдь не синоним гармонии на мировой арене. Со временем придется все в большей мере учитывать, что полицентричная система международных отношений тоже иерархична и борьба за место в этой новой иерархии будет нарастать во всех сферах – экономической, научно-технологической, культурно-идеологической, военно-политической. Сегодня уже четко видно, что происходит структурная перестройка международно-политической системы – параллельно и в связи с изменениями в расстановке сил на мировой арене и роли главных субъектов мировой политики.

2. Изменение ядра международной политической системы. За неформальное право войти в состав этого ядра (которое ассоциируется с более высоким статусом и более широкими возможностями влияния) конкурируют между собой более десяти государств мира. Прежде всего, это Китай и Индия, чье укрепление позиций все больше сказывается на региональных и глобальных балансах экономических и политических сил, и экстраполируется на обозримую перспективу. Автор тем не менее отмечает, что необходимо принимать во внимание тот факт, что роль Китая и Индии будет в очень значительной степени зависеть: во-первых, от запаса их внутренней социально-экономической прочности и, во-вторых, от характера их влияния вовне. В отношении двух этих факторов существует значительная доля неопределенности, что будет требовать от всех международных игроков достаточно осто-

рожной и сбалансированной политической линии. Весь вопрос в том, насколько они будут готовы следовать такому императиву.

3. Постепенное становление многоплановой, вариативной и лабильной иерархии в международной системе отношений. Такой вид иерархии не выстраивается в виде раз и навсегда зафиксированной схемы, а может менять конфигурацию и структуру в зависимости от особенностей конкретной сферы, соотношения сил, характера взаимоотношений между вовлеченными в нее государствами, а также воздействия других внешних факторов. Это может не только порождать напряжения и коллизии, но и вместе с тем создавать дополнительные возможности, что придаст системе больше гибкости и позволит легче адаптироваться к новым проблемным ситуациям. Иерархия не будет оставаться неизменной как применительно к международной системе в целом, так и в отдельных ее сегментах, что создаст потенциал неустойчивости и нестабильности. Но значимость данного фактора станет постепенно сокращаться по мере общей структуризации международной системы, а также роста экономической и политической взаимозависимости.

4. Постепенное относительное ослабление позиций США при сохранении их огромного влияния на международную жизнь. Роль США в экономике, финансах, торговле, науке, информатике будет оставаться уникальной на достаточно длительную перспективу. По размерам и качеству своего военного потенциала США не имеют себе равных в мире (за исключением российского ресурса в области стратегических ядерных сил). США могут быть как источником серьезных конфликтов на международной арене (на почве ориентации американской внешней политики на однополярность), так и агентом кооперативного взаимодействия с другими участниками международной жизни. Определяющими здесь будут готовность элит США сдерживать свой гегемонистский синдром, способность соотносить свои интересы с интересами других участников международной жизни, умение формулировать амбиции на языке ответственного лидерства. Автор предполагает, что традиционная полемика между сторонниками изоляционизма («США должны заниматься прежде всего своими внутренними делами») и активного вмешательства в международные дела будет время от времени обостряться и даже выдвигаться на первый план, хотя и с более современными акцентами и нюансами. Президентство Д. Трампа покажет, насколько реалистичны предположения о том, что сфокусированность на внутренних проблемах способна

привести к сокращению внешнеполитической активности США. Пока такой сценарий не кажется реалистичным.

5. Перераспределение удельного веса между различными центрами влияния, ослабление способности оказывать воздействие на другие государства и внешний мир в целом. Традиционно обладающие весомым потенциалом в этой области государства сталкиваются с проблемами в своем развитии, хотя и сохраняют значительный ресурс влияния. Все более заметной становится роль новых игроков из Азии, Африки и Латинской Америки, а к упомянутому Китаю и Индии добавляются прежде всего Бразилия и ЮАР.

Исследователь отмечает тот факт, что широко распространенное в информационном поле представление об ослаблении Запада зачастую явно преувеличивает масштабы этого явления, хотя центр развития мировой экономики и международной системы все же смещается в направлении Восток / Азия. Именно сюда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, впечатляющая динамика хозяйственного роста, мощная энергетика человеческого капитала. И здесь же действуют одни из наиболее острых рисков и угроз безопасности – это очаги терроризма, этноконфессиональные конфликты, распространение ядерного оружия, территориальные споры.

Все более заметно присутствие на международно-политической арене исламского фактора. Пока нет оснований видеть в этом формирование какого-либо единого центра силы из-за отсутствия политической, экономической и идеологической целостности исламского мира. Его внутренняя фрагментация по национально-государственному, внутриконфессиональному (сектарному), клановому и иным признакам делает образ «столкновения цивилизаций» метафорой, вряд ли пригодной для адекватного описания системы международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Еще одним важным фактором, который выделяет автор статьи, является формирование новых политико-экономических мегаблоков и проектов – таких, как Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В формирующейся международной системе данному компоненту, несмотря на его вариативность, будет принадлежать значимое место.

Автор определяет две траектории главного системного вызова в рамках складывающегося миропорядка – это становление новой конфигурации сил на всех уровнях и отношения «центр–периферия» по проблемам развития в самом широком смысле слова (технологии, информация, ресурсы, финансовые инструменты, человеческий капитал, перемещение людей и т.п.).

В разделе статьи «Линии противоречий и размежевания» автор анализирует противоречия в отношениях между различными центрами силы на глобальном и региональном уровнях. Самое крупное размежевание, по мнению В.Г. Барановского, происходит по линии Россия – Запад, взаимное отторжение которых иногда трактуют как второе издание «холодной войны», иногда – как проявление геополитического соперничества. Здесь важен сам масштаб явления, так как размежевание между Россией и США / НАТО идет по широкому кругу вопросов: от расширения альянса на Восток, соперничества на постсоветском пространстве, кризиса на Украине до применения силы без санкции СБ ООН, планов создания европейской системы ПРО и конфликта в Сирии. Ситуацию во взаимоотношениях с Западом вряд ли удастся исправить быстро и малыми усилиями. Еще одна разделительная линия обозначилась между Китаем, с одной стороны, и США с их азиатскими союзниками – с другой, и она имеет все шансы стать более значимой, оттеснив противоречия по линии Запад – Россия на задний план. Однако оба размежевания могут оказаться взаимодополняющими: их логика способна подталкивать Россию и Китай к сближению и стимулировать курс на становление ОДКБ / ШОС / БРИКС в качестве экономического и политического противовеса Западу. Вместе с тем серьезные противоречия имеются внутри самих объединений ОДКБ / ШОС / БРИКС (между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном, странами Центральной Азии), и они являются иногда более острыми, чем противоречия между этими странами и Западом.

Другие конфигурации размежевания, казалось бы, могут возникать на почве противодействия исламскому радикализму. Теоретически этот тренд мог бы работать на сплочение в треугольнике Россия – Запад – Китай, ставя их по одну сторону баррикад. Но это слишком далеко идущая гипотеза, пока не находящая подтверждения на практике.

В разделе «Пути, формы и проблемы международного сотрудничества» исследователь определяет перспективы функционирования новой международной системы и предлагает пути

ее развития. Автор констатирует, что кардинальной перестройки уже существующих структур международного взаимодействия в обозримом будущем не просматривается, и поэтому в качестве реалистической перспективы он определяет упрочение миропорядка в этой области, а не его фундаментальную трансформацию.

Основополагающими факторами являются следующие: 1) центральное место в организации международной жизни принадлежит ООН как официально и формально признаваемый алгоритм, что не исключает возможность реформы СБ ООН, не ставя под вопрос право вето его постоянных членов; 2) сохранение основных многосторонних форматов (G7 «большая семерка» и G20 «большая двадцатка»), прежде всего в качестве площадок для обмена мнениями на высоком уровне и координации общих подходов и структур, предназначенных для более предметного диалога и взаимодействия (прежде всего, под эгидой ООН и ее специализированных учреждений); 3) продолжение деятельности большинства существующих сегодня межгосударственных структур, ориентирующихся на региональное и трансрегиональное взаимодействие (ОБСЕ, НАТО, ЕС, Совет Европы, СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС); 4) формально признаваемое безусловное уважение и всемерное укрепление международного права.

Еще одной проблемой миропорядка, по мнению автора, является соотношение внутренней проблематики и международных отношений. Наиболее серьезные вызовы здесь возникают в связи с коллизиями вокруг суверенитета и вопроса о «цветных революциях». Максимально ограничительная трактовка оснований для внешнего вмешательства во внутренние дела государств исходит из того, что оно может быть выражением стремления к доминированию некоторых участников международной жизни. Противоположный подход указывает на невозможность абсолютного суверенитета из-за тесной связи проблем внутри страны с внешним миром и из-за растущего влияния транснациональных экономических и политических процессов на внутривнутриполитические реалии.

В заключение автор ставит ряд вопросов, на которые, по его мнению, пока нет очевидных ответов.

– Возникновение «новых вызовов» (например, киберугроза), которые стали рассматриваться как серьезные угрозы только сейчас, хотя они существуют уже несколько десятилетий. Они не стали заметными факторами международного взаимодействия ранее, когда еще сохранялся позитивный импульс преодоления холодной войны, а волна солидарности с США после терактов 11 сентября

2001 г. быстро сошла на нет, и борьба с международным терроризмом не стала мощным фактором для совместных действий, как ожидалось. И какие основания рассчитывать, что «война с международным терроризмом 2.0» окажется более успешной?

– Глобальные проблемы создают не только новые стимулы к сотрудничеству государств, но и новые противоречия между ними.

– Политическая ориентация на решение возникших проблем совместными усилиями исходит из модели глобализирующегося мира и общих ценностей. Но сейчас много признаков того, что набирает силу противоположный подход, когда основными являются собственные интересы. Как долго будет сохраняться крен в сторону усиления «национальных императивов» в трактовке приоритетов внешней политики, экономического развития и безопасности (многим представляющийся правомерным и естественным)? Этот фактор будет существенным в поведении государств, подрывая перспективы международной солидарности.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**2018.01.002. Магомедова М.А. ПРОЯВЛЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН И МЕРЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ // Власть,
М., 2017, № 12, с. 171–177.**

Ключевые слова: религиозно-политический экстремизм, Республика Дагестан, противодействие, ислам, идеология.

Магомедова М.А.,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник Регионального центра
этнополитических исследований
Дагестанского научного центра РАН

В статье автор рассматривает причины религиозно-политического экстремизма в Дагестане, анализирует факторы роста социальной напряженности, которая вызывает протестные настроения населения.

Автор отмечает, что на протяжении последних двух десятилетий для Северного Кавказа характерно проявление религиозно-политического экстремизма. Этот регион является одним из сложнейших в России, так как здесь наблюдается усиление влияния религиозного фактора на этнополитические процессы и общий рост социальной напряженности.

В Дагестане конфессиональный фактор всегда играл и играет большую роль в жизни общества, но чаще экстремизм, основанный на религии, оказывается связанным с политикой и национализмом. Опасность же распространения религиозно-политического экстремизма на территории Дагестана в том, что наиболее подверженной этому течению оказывается молодежь, которая составляет 30,3% населения.

Среди современных проблем дагестанского общества исследователь на основе проведенного опроса экспертов, занятых проблемами идеологического противодействия экстремизму и терроризму, выделяет такие: коррупция; отсутствие социальных лифтов, расслоение общества по уровню материального благополучия; снижение уровня образования; нарушение прав человека; религиозный фанатизм, порождающий религиозный экстремизм и терроризм; ухудшение социально-экономической ситуации; внутриконфессиональные противоречия; усиление роли религии в общественной и государственной жизни (клерикализм); неэффективное управление; отсутствие социальной справедливости; организованную преступность; безнаказанность чиновников; отсутствие каналов для волеизъявления граждан; неэффективную судебную систему; религиозный экстремизм; низкий уровень образования и здравоохранения.

Автором опроса также был выявлен ряд факторов социальной напряженности в республике – это проблема безработицы, ее рост за последние годы и отток граждан из республики, в том числе и в поисках работы.

Что касается уровня террористической угрозы, то автор статьи отмечает, что с начала 2017 г. наблюдается усиление активности вооруженных бандформирований на юге Дагестана. Периодически в различных районах республики вводится режим контртеррористической операции (КТО).

В рамках данного исследования автор обращает внимание на то, какое влияние оказывает «Исламское государство» на Северный Кавказ. Автор приводит статистические данные на 2017 г. по воюющим в Сирии на стороне ИГ жителям Северного Кавказа, среди которых 1,2 тыс. человек – из Дагестана (общее количество составляет 2 тыс. человек). Есть опасность, что эти люди вернутся домой, что впоследствии может оказаться серьезной угрозой для национальной безопасности страны.

Говоря о причинах распространения религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе, автор называет такие факторы, как клановая система управления республикой, криминализация власти, неэффективная судебная система, работа по вербовке молодежи в экстремистские группы путем информационных технологий, внутриконфессиональные конфликты. Все это усугубляет отсутствие адекватной вызовам времени соответствующей информационной политики со стороны Духовного управления мусульман и государственных органов, стройной и последо-

вательной национальной политики, тесно увязанной со стратегией национально-духовного развития народов Дагестана; отсутствие доверия граждан органам государственной власти и правоохранительным структурам. Проблемы и пробелы в деятельности власти используют в своих целях сторонники салафизма, которые используют протестные настроения населения в своих целях.

Кроме внутренних причин распространения религиозно-политического экстремизма исследователь указывает и на внешние факторы, а именно: действия различных эмиссаров, финансирование извне, работа миссионеров и соотечественников, прибывших в РД в начале 1990-х годов, интернет-ресурсы, влияние внешних деструктивных сил (Саудовская Аравия, Катар). Причины радикализации кроются также в неверном, упрощенном истолковании ислама.

При определении эффективности деятельности правоохранительных органов в противодействии экстремизму в Дагестане по результатам исследования наибольшая эффективность отмечается у органов ФСБ, органов Министерства внутренних дел, Центра противодействия экстремизму (ЦПЭ) МВД по РД, а на последних местах оказались органы Федеральной миграционной службы и прокуратуры.

Автор указывает на то, что государство борется с самими террористами, а не с причинами их появления и целями, которые они преследуют. В республике идеологическое противодействие экстремизму сведено к малоэффективным и формализованным мероприятиям. На основе проведенного исследования автор утверждает, что представители духовенства республики в идеологическом противодействии экстремизму играют неоднозначную роль. С одной стороны, религиозные деятели проводят межлисы с участием известных религиозных ученых республики, а также международные конференции с участием известных мировых исламских ученых; издается газета «Ас-салам», ведутся телепередачи по религиозной тематике. С другой стороны, в дагестанском обществе вызывают недовольство противоречия внутри традиционного ислама. В публичной полемике духовные лидеры традиционного ислама уступают представителям нетрадиционного течения.

Несмотря на отдельные успешные кампании и акции по противодействию идеологии и практике экстремизма и терроризма, в республике не сложилась региональная система такого противодействия.

В качестве мер для преодоления экстремизма, а следовательно и терроризма, в республике автор предлагает следующие: провести преобразования в экономической, политической сферах; преодолеть уродливые формы коррупции; вести работу с молодежью в образовательных учреждениях, мечетях, транслировать телепередачи антитеррористической направленности, совершенствовать законодательство, более активно разъяснять несостоятельность, общественный вред и преступный характер идеологий, программ и действий, которые заключают в себе ненависть к людям других рас, национальностей, вероисповеданий и социальных групп.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

**2018.01.003. Тауканова З.Ч. ЭТНИЧЕСКИЙ
ФАКТОР В ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
И ПРОЦЕССАХ: КАВКАЗСКИЙ РАКУРС //**

*Гуманитарий Юга России,
Ростов-на-Дону, 2017, т. 6, № 6, с. 317–325.*

***Ключевые слова:** гендер, этнос, структура этнического социума, гендерные процессы, гендерные отношения, межпоколенческие отношения, отношения конкуренции-солидарности, институт старшего.*

Тауканова З.Ч.,
аспирант кафедры философии
Кабардино-Балкарского государственного
университета

В статье автор анализирует особенности гендерных отношений на Кавказе. Говоря об истории изучения данного вопроса, автор в начале статьи дает краткий исторический обзор гендерной проблематики. Начиная с 50–60-х годов XX в. гендерные исследования обретают системность и активность под влиянием феминизма, берущего начало в те же годы в общем контексте постколониальных трансформаций мира.

Россия остается пространством особой цивилизации, включающей наряду с европеизированной культурой мегаполисов десятки традиционных этнических культур, но реалии глобального мира вторгаются в бытие этносов, корректируя все аспекты этнической культуры, в том числе модели гендерных отношений, что

особенно ярко проявилось в социально-культурных трансформациях в начале 90-х годов XX в.

Автор в данной статье предпринимает попытку дать анализ гендерного фактора в контексте постсоветских трансформаций кавказских этносов. Речь идет о результатах многолетних наблюдений за социально-культурными трансформациями ряда этнических сообществ Кавказа (кабардинцы, балкарцы, адыгейцы, черкесы, чеченцы и др.). Перечисленные сообщества изучены и детально описаны в общепринятых этнографических измерениях, но проблема состоит в том, что в российской этнологии и гендерологии кавказские этносы и сегодня подаются как консервативные, не подверженные новации и прогрессу, как герметично замкнутые на свои архаичные культуры. Бытует предубеждение о вторичности женского пола в пространстве кавказских культур и «порабощенности женщин».

Как это ни парадоксально, у кавказских этносов за долгие годы существования советской системы так и не прижилась советская модель равноправия мужчин и женщин, которая в буквальном смысле уравнивала всех. Кавказские женщины на протяжении всей советской эпохи вплоть до 90-х годов так и оставались в «пространстве второго пола» – воспитателей детей, учительниц, продавщиц магазинов, домохозяек; они не рвались занять «мужские» профессии, что стало поводом рассматривать кавказские этнические сообщества и их культуры как «отсталые», «средневековые», где женскому полу уготовано порабощение.

Ситуация радикально изменилась в 90-е годы прошлого века. Ответ на вопрос, как это стало возможным, кроется в учете специфических особенностей социально-культурного бытия кавказских этносов. Автор выделяет три такие особенности.

1. *Исключительная роль и значимость горизонтально-секторальных отношений в кавказских этносоциумах.* Такие структуры кавказского этносоциального бытия, как родственная семья (сообщество семей родных и двоюродных братьев и сестер, племянников и внуков, имеющих общих предков), род, тейп, тухум, активно (материально, морально) поддерживают любого своего члена, защищая его в трудных ситуациях и жизненных невзгодах, в том числе и от избыточного давления внешних факторов и обстоятельств (мнения, формируемого за пределами данной общности, религии и даже институтов власти).

2. *Легитимация в бытии рассматриваемых этносов только одной формы (модели) брака и образования новой семьи – в форме*

замужества. Речь идет о том, что на Кавказе женщина в буквальном смысле выходит замуж, т.е. покидает свою семью и переселяется в семью мужа, хотя при этом за ней сохраняются принадлежность к роду, откуда она выходит, и поддержка этого рода. Таким образом, активными носителями и строителями связей между кланово-родовыми секторами этносоциального пространства являются именно женщины, что едва ли вяжется с амплуа «второго пола».

3. Полярный характер отношений солидарность – конкуренция в сообществах мужчин и женщин в пространстве кавказских этносов. Ситуация здесь такова, что в отношениях мужчин (между мужчинами) доминирует конкуренция вплоть до ее самых острых форм, в то время как между женщинами (в их публичных отношениях) доминирует солидарность.

Далее автор подходит к ключевому аспекту анализа – культуре, которая являет собой прежде всего всеохватный механизм адаптации человека к условиям существования (природным, социальным), и резкие изменения условий бытия любой социальной общности являются вызовом, требующим ответа от этой общности, т.е. активных действий с его стороны, скажем, перестроения форм и механизмов своего бытия, изменений в культуре. Это касается и кавказских этносов, включая и гендерную культуру.

История рассматриваемых этносов сложилась так, что на протяжении XX в. они дважды оказывались в ситуации радикального изменения социально-политических условий существования, т.е. в ситуациях острого вызова. Речь, в частности, идет о революции 1917 г. и о «шоковых» реформах 90-х годов.

Какотреагировали на эти вызовы социальное бытие и культуры рассматриваемых этносов, в том числе их гендерная составляющая?

Как это ни парадоксально, но радикальные изменения в культуре, в частности в гендерном балансе, в пространстве кавказских культур, произошли не в пору советских реформ под конструктивистским лозунгом «Мы новый мир построим», а в 90-х годах. В этом контексте остается лишь констатировать, что постсоветские реформы оказались более радикальным вызовом в адрес традиционных норм, форм и укладов этнического бытия. Реформы 90-х годов привели к разрушению экономики страны и ее внутренних рынков. В этой ситуации доминирующей формой экономической деятельности в стране на какой-то период стал так называемый челночный бизнес, который разворачивался в условиях полного отсутствия в стране рыночной инфраструктуры

(устойчивые банки, доступный кредит, маркетинг, консалтинг, логистические услуги). Как добыть стартовые деньги, приобретать товар за границей и доставлять домой, обеспечивать при этом собственную безопасность и безопасность своих товарно-денежных операций? Оказалось, что все эти вопросы можно решить, перешагнув психологический барьер страха перед неизвестностью по имени «челночный бизнес» – с опорой на женскую солидарность и коллективное взаимодействие, присущие кавказским этническим культурам, в то время как этого не удавалось сделать соперничающим между собой мужчинам. При этом стартовым капиталом нередко становились скромные деньги от продажи своих (женских) украшений, накопленных в небогатую советскую пору.

Так, в экстремальных условиях 90-х годов, когда российскому населению грозил массовый голод, в этнокультурном пространстве Кавказа случилось нечто из ряда вон выходящее – «гендерная революция», в результате чего на позиции «первого пола» и кормильца семьи вышла женщина, отодвинув мужчину на роли «второго пола», которому оставалось лишь присматривать за домом и детьми. Правда, эта революция (а точнее – гендерная инверсия) сопровождалась серьезными издержками – резким ростом алкоголизма среди мужчин, чего прежде не было в среде кавказцев. Именно этот негативный аспект заслонила в восприятии и интерпретациях региональной (местной) этнологии саму суть гендерной инверсии, случившейся в недрах кавказского этносоциального бытия.

Самое главное в данном случае заключается в другом – ход российской этносоциальной истории в 90-х годах положил конец расхожему мифу об архаичности кавказских культур (гендерной культуры – в том числе), а значит, их непроницаемости для инноваций, изменений, прогресса в плане отклика на вызовы времени, в плане самокоррекции, развития.

Гендерная инверсия в кавказском этнокультурном мире, случившаяся в общем контексте постсоветских трансформаций России, имеет ныне массу последствий, которые проявляются в культуре и повседневной жизни в самых различных формах – в моде, динамизме повседневной жизни, поведенческих стратегиях женского населения. Так, по нашим наблюдениям, г. Нальчик (столица Кабардино-Балкарии) по количеству женщин за рулем автомобиля или числу девушек в модных брючках и джинсовых нарядах еще посоперничает с любым российским мегаполисом.

Но самым странным и труднообъяснимым в истории кавказской гендерной инверсии представляется то обстоятельство, что

она не случилась в советское время. Ведь идеология и стратегия советской системы ставили на первый план именно социальный конструктивизм – формирование нового человека, свободного от любых пережитков прошлого, т.е. от паттернов этнических культур, прежде всего от их гендерных моделей, которые и трактовались как пережитки прошлого и признаки отсталости. Ставка на политику «национальной автономии», с одной стороны, и на колхозную экономику – с другой, так и не дала революционных эффектов в сфере семейно-бытового уклада и гендерных отношений в жизни кавказских этносов.

Показательно, что к 90-м годам XX в., т.е. в канун краха советской системы, доля городского населения в республиках Северного Кавказа не превышала 40–50%, т.е. большинство населения этих регионов так и оставалось в архаично-общинном укладе сельской жизни и культуры.

В результате анализа исследователь приходит к следующим выводам.

1. Модель гендерных отношений, будучи одной из базовых характеристик социальной общности (этноса, в частности), детерминирована прочими специфическими социально-культурными характеристиками этой общности.

2. Гендерная модель и ее изменения могут служить в роли индикатора глубины социальных и социально-культурных трансформаций в обществе.

3. Трансформация гендерной модели является одной из форм ответа социума на критические вызовы в его адрес; они происходят спонтанно и не могут быть вызваны методами политической мобилизации или идеологического давления.

Автор реферата В.Н. Сченснович

2018.01.004. **Олимова С.К., Олимов М.А.**
КОНФЛИКТЫ НА ГРАНИЦАХ
В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ: НОВЫЕ ПРИЧИНЫ,
НОВЫЕ УЧАСТНИКИ // *Россия и новые государства*
Евразии, М., 2017, № 1, с. 21–40.

Ключевые слова: Центральная Азия, дезинтеграция, пограничные конфликты, Ферганская долина, водопользование, территориальные споры.

Олимова С.К.,

кандидат философских наук,
директор Научно-исследовательского
центра «Шарк» (Душанбе)

Олимов М.А.,

доктор исторических наук, профессор
Национального университета Таджикистана

В статье анализируются причины ухудшения межгосударственных отношений в Центральной Азии, рассматриваются как исторически существующие национально-территориальные конфликты в данном регионе, так и возникшие в постсоветский период.

За последние 25 лет Центральная Азия из пяти дружественных советских республик превратилась в дезинтегрированный регион, где ныне независимые страны не смогли наладить между собой добрососедские отношения, несмотря на участие в одних и тех же организациях (СНГ, ОДКБ, ШОС и т.д.).

Одним из факторов такой дезинтеграции являются пограничные конфликты. Источник территориальных претензий этих государств друг к другу – национально-территориальное деление республик в годы советской власти по границам проживания тех или иных этносов. Однако последовательно руководствоваться этим принципом в мультиэтническом мультикультурном пространстве Центральной Азии было невозможно и поэтому в каждой республике остались анклавы и ирреденты. Перед распадом СССР конфликты из-за доступа к ресурсам региона приняли характер межэтнической конкуренции.

После суверенизации конфликтность на границах не уменьшилась, так как обозначенные на картах формальные границы между республиками должны были стать реальными границами суверенных государств. Из пяти республик Центральной Азии полностью делимитировал сухопутные границы только Туркменистан и частично Казахстан. Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан до сих пор так и не решили между собой проблему границ.

Наиболее острыми являются пограничные конфликты в Ферганской долине, разделенной между тремя государствами – Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизстаном.

Авторы статьи рассматривают пограничные проблемы на примере ферганского участка таджикско-киргизской границы. За последние пять лет в приграничной зоне Таджикистана и Киргизстана в Ферганской долине произошло более 80 инцидентов.

Некоторые вопросы удалось решить путем переговоров (например, «Война флагов», февраль 2016 г.), однако осталось множество нерешенных вопросов, которые в будущем могут стать детонатором конфликтов на границах.

Конфликты на границах свидетельствуют о трудностях процесса постсоветского нациестроительства в ЦА. Сейчас граждане Таджикистана, Узбекистана и Киргизстана считают «землей таджиков», «землей узбеков» и «землей киргизов» одну и ту же территорию. Стороны основываются на различных источниках и не собираются уступать друг другу, что делает делимитацию границ в ряде случаев принципиально невозможной.

Данная ситуация порождает ряд вопросов, в частности: каковы причины пограничных конфликтов, изменились ли они за последние 25 лет в связи со становлением национальных государств и рыночных экономик в ЦА; кто является движущей силой пограничных конфликтов; изменился ли состав конфликтующих сторон?

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, в январе–июле 2016 г. при поддержке Программы развития ООН в таджикской и киргизской частях Ферганской долины было предпринято исследование, посвященное пограничным конфликтам и перспективам их урегулирования в регионе. Еще в 1990 г. российский этнолог В. Бушков, который изучал причины межнациональных столкновений, произошедших в Исфаринском районе в 1989 г., отмечал здесь оазисно-очаговый принцип расселения, который привел к перенаселенности, дефициту земли и воды, хотя абсолютное перенаселение и дефицит ресурсов наблюдались здесь еще в XIX в.

Авторы отмечают, что стремительный демографический рост продолжает оставаться главной причиной конфликтов в приграничных зонах Ферганской долины. Так, например, население Воруха, одного из таджикских приграничных кишлаков, за XX в. увеличилось более чем в 20 раз, а за 25 лет независимости – еще в 4 раза.

Представления местного населения о том, какие территории относятся к тем или иным кишлакам и аулам, сформировались в период переселений XVIII – середины XIX в., когда документально стали оформляться правовые основания, закрепившие права на землю сообществ и отдельных лиц. В совокупности эти документы являются основой для признаваемых до сих пор местными таджиками и узбеками прав на тот или иной участок земли, невзирая на официальные границы. В отношении прав на землю

ранее кочевого киргизского населения, то до тех пор, пока киргизы вели традиционное скотоводческое хозяйство, правовой основой которого было распределение территорий между их племенными группами, а также между ними и оседлым таджикским населением, не было основы для межнациональных конфликтов. Наоборот, различия в способе хозяйственной деятельности вызывали необходимость обмена товарами своего производства и, следовательно, дружеских контактов.

В начале XX в. киргизское население было немногочисленным и находилось в процессе перехода от подвижного к отгонному скотоводству. Из-за кочевого образа жизни границы расселения киргизов существенно менялись. Еще больше они изменились из-за радикальной трансформации типов хозяйственной деятельности в XX в., когда советская власть в 30-х годах начала осуществлять политику перевода кочевников на оседлый образ жизни.

Учитывая, что в Баткенском районе из-за дефицита воды немного мест для удобного расселения, часть перешедших к оседлости киргизов стала стягиваться к реке Исфара на земли, которые таджики традиционно считали своими. В рамках этой политики в район Исфаринской долины стали переселять киргизов из других областей. Население увеличивалось и за счет естественного прироста, что также привело к росту напряжения в этой зоне.

Процессы, которые протекали в Исфаринском и Баткенском районах, привели к росту напряженности в межнациональных отношениях, а распад СССР и формирование национальных государств стали фатальными для этой части Ферганской долины.

Далее авторы рассматривают положение на границах в настоящее время. Какова ситуация на границах сейчас, какие проблемы волнуют жителей ферганского приграничья? Исследования показали, что кроме старых проблем – перенаселения, острой нехватки земли, водных споров – появились новые, возникшие после распада СССР и суверенизации. К общим проблемам, характерным для всех приграничных территорий, следует отнести безработицу, которая на начальном этапе развития постсоветских государств была вызвана структурной перестройкой рынка труда в связи с переходом к рыночной экономике и остановкой промышленных производств. Население вернулось к традиционным занятиям, т.е. занялось сельским хозяйством, что резко увеличило потребность в земле и воде.

По мере развития новых суверенных государств уровень безработицы не снижался. В результате земледельцы – таджики

и узбеки – продолжали распахивать новые земли, расширять сады и посевы. В то же время киргизы оставили земледелие и начали возвращаться к традиционному для них скотоводству. Но для этого нужны стабильные водные источники и гораздо больше пастбищ, чем у них есть сейчас. В государственных документах Киргизстана ставится задача довести поголовье скота на одного человека в Баткенской области до уровня Иссык-Кульской и Чуйской областей. Этим планам мешают таджикские оазисы Исфаринской долины.

Таким образом, постсоветская деурбанизация и деиндустриализация способствовали увеличению занятости в сельском хозяйстве и ретрадиционализации, что на фоне стремительного увеличения численности населения в Ферганской долине привело к резкому росту конкуренции и вражды из-за земли и воды не столько между этническими группами, сколько между оседлыми земледельцами и скотоводами. Наиболее острая ситуация складывается в горных регионах, где идет война за пастбища и контроль над источниками воды.

Авторы называют рыночные реформы как еще одну причину возникновения новых пограничных конфликтов. Здесь важную роль играет формирование национальных законодательств в сфере аграрных отношений (введение частной собственности на землю и образование рынка земли в КР).

Хотя в киргизской части приграничья вопрос дефицита земли стоит не слишком остро, частная собственность на землю и быстрота оформления земельных участков в собственность стимулируют захват территорий на спорных землях. В РТ нет частной собственности на землю, поэтому люди надеются на государство, которое является единственным собственником земли. Но правительство РТ заинтересовано в киргизской дорожной инфраструктуре, поэтому стремится не допустить кризиса в земельных спорах с соседом. В результате приграничные оседлые сообщества таджиков и узбеков отступают под натиском киргизов при индифферентной позиции собственных властей. Одним из следствий различий в аграрном законодательстве стало образование в приграничной зоне КР латифундий, принадлежащих этническим киргизам, которые используют труд таджиков и узбеков. В настоящее время столкновение разных подходов к собственности на землю стало ключевым фактором территориальных конфликтов в Фергане, а противоречия в представлениях об этнических территориях стали более жесткими в последние четыре года.

Исследователи выделяют специфические проблемы, провоцирующие конфликтность на границах. Они существенно различаются в зависимости от географического положения и характера локальных экономик. Так, все приграничные села на таджикской стороне можно разделить на три группы: а) горные *джамоаты*, для которых источниками проблем являются отсутствие доступа к пастбищам, блокирование дорог, отсутствие безопасности, земельные споры, рост национализма на сопредельной стороне; б) долинные села, для которых самое главное – отсутствие питьевой воды и воды для орошения земель, а с остальными проблемами они готовы так или иначе смириться; в) села, которые находятся непосредственно на маршрутах транспортных коридоров; для них важными являются проблемы ограничения доступа к рынкам, контрабанда и связанная с ней преступность.

Большое внимание в статье авторы уделяют водным конфликтам. Есть ряд факторов, которые в совокупности создают сложности, связанные с водопользованием и вододелением. Баткенский, Лейлекский районы КР и сопредельные Исфаринский, Гафуровский, Джабар-Расуловский районы РТ имеют общие, построенные в советский период, водохозяйственные системы трансграничного характера. Источником воды для этих систем является бассейн реки Исфара, который формируется на территории КР, а принципы вододеления стока были согласованы еще в советский период. Вода до потребителей поступает через разветвленные системы гидротехнических сооружений, состояние которых заметно ухудшилось за последние 20 лет. Вслед за распадом СССР последовал коллапс советского механизированного сельского хозяйства.

После того как граница перестала быть формальной, споры между водопользователями отдельных стран стали еще более ожесточенными. Водные инциденты происходят:

- между водопользователями Киргизии и Таджикистана. При нехватке воды киргизская сторона перекрывает подачу воды на таджикскую сторону;

- между водопользователями и ирригаторами РТ, с одной стороны, и пограничниками КР – с другой. Пограничники КР не пропускают граждан РТ для наблюдения за водораспределением.

Часто вода используется как фактор давления в период обострения пограничных конфликтов.

Проведенное исследование показало, что основными причинами конфликтов, связанных с доступом к воде, являются следующие:

– рост потребности в воде, вызванный увеличением числа водопользователей и интенсификацией сельского хозяйства;

– устаревшие схемы водodelения, устаревшая ирригационная система, основой которой являются общие и одновременно ничьи ирригационные сооружения. Изношены водораспределительные шлюзы и ворота;

– положение ухудшает неудовлетворительный водный менеджмент, основанный на личных контактах и согласованиях;

– слабость институтов, обеспечивающих управление водными системами. В последние годы произошла смена главных акторов в водных отношениях.

В последние несколько лет ситуация заметно ухудшилась из-за расформирования крупных колхозов в этой зоне и их разделения на мелкие дехканские / фермерские хозяйства. Дехкане, с большим трудом создающие свои хозяйства, ограничиваются налоговыми выплатами и не согласны дополнительно оплачивать ирригационные работы.

В целом же «водные» конфликты тесно связаны с территориальными конфликтами. Растущее таджикское население пытается расширять площади садов и пашни, осуществляя ирригационные проекты. Киргизская же сторона, опасаясь, что таджики получают поливную воду и распашут спорные участки, не соглашается с этим. Таким образом, любое техническое решение проблемы водоснабжения сталкивается с территориальными противоречиями и сложившейся в этой зоне практикой использования доступа к воде в качестве рычага давления в спорах.

Следующей проблемой возникновения конфликтов видится вопрос о пастбищах. Исторически отгонные пастбища не были чьей-то собственностью. Право выпаса скота на пастбищах определялось традицией и соглашениями между общинами. В советское время часть этих пастбищ была перераспределена в пользу киргизских хозяйств на правах аренды. Сроки арендных договоров давно закончились, однако теперь вопрос о возврате земли рассматривается в категории спорных земель. В настоящее время таджикская сторона признала большинство пастбищ территорией КР. Тем не менее некоторые пастбища, часть которых находится рядом с таджикскими селами, а часть (отгонные) – в глубине территории КР, продолжают оставаться территорией РТ. Киргизская сторона не признает карт, письменных источников, документов и договоров, утверждая, что все эти пастбища находятся на этнической территории киргизов, следовательно, это – территория КР.

При этом делается ссылка на то, что Межправкомиссия по делимитации и демаркации границ еще не обозначила четкие государственные границы в данном регионе.

До 2014 г. все пастбища использовались совместно, что соответствовало местным традициям. В первые годы после распада СССР местные власти обеих стран заключали договоры об использовании пастбищ. Чаще всего местные жители, основываясь на традиции, находили компромисс и совместно пользовались пастбищами. Жители таджикских сел часто нанимали киргизских пастухов, которые пасли их скот летом на отгонных пастбищах. Но в 2015 г. начал действовать ранее принятый в КР Закон о запрете для иностранцев аренды пастбищ и выпаса скота, и граждане РТ лишились возможности выпасать свои стада на пастбищах, находящихся под юрисдикцией КР. После этого в таджикском приграничье кооперативный сектор (Ассоциация дехканских хозяйств) полностью ликвидировал скот, а частные владельцы существенно сократили его поголовье. Весной 2016 г. оставшиеся без работы киргизские чабаны обращались в таджикские села с предложениями о выпасе скота, но из-за сокращения поголовья скота и возникшего недоверия эти предложения не встретили одобрения. После переговоров между местными властями обеих стран ситуация несколько улучшилась, но на юридическом уровне проблема не решена до сих пор.

Еще одним фактором возникновения конфликтов авторы называют дорожную сеть. И таджикские, и киргизские поселения связывает единая транспортная сеть, построенная в советское время. Хотя вопрос об анклавах в приграничных зонах остается открытым вплоть до окончания работы по делимитации таджикско-киргизской границы, но в период обострения конфликтов обе стороны выставляют на дорогах таможенно-пограничные посты и перекрывают их. Когда дороги и границы закрыты, цены на основные виды продуктов резко повышаются, а хрупкая взаимозависимость приграничного существования нарушается.

В последние годы хрупкое общественное спокойствие держалось по большей части на беспрепятственном передвижении людей через границы. Соответственно, блокировка дорог, установление несанкционированных постов, установление особого режима пропуска граждан РТ на территорию КР являются действенным инструментом давления на таджикскую сторону в конфликтах из-за воды, территории, пастбищ. Более того, это может сопровождаться блокировкой или уничтожением объектов инфраструктуры, например электросетей.

Говоря о современной ситуации в регионе, авторы называют новых участников конфликтов, со своими собственными интересами и своими правилами игры. Это местные власти по обеим сторонам границы, которые теперь обеспечивают управление конфликтами на низовом уровне.

Следующим новым участником конфликта стали крестьяне (декхане)-единоличники в РТ и КТ, которые появились в результате аграрной реформы. Это подорвало управление водными ресурсами и ирригационными сетями, так как тысячам мелких водопользователей трудно договориться между собой, а новые институты водопользования и водodelения – Ассоциация водопользователей, Водоканал, Ассоциация дехканских хозяйств – крайне слабы. В целом можно констатировать, что отсутствие крупных акторов негативно повлияло на возможность урегулирования конфликтов.

Еще одним новым актором являются пограничные службы. Они выполняют свои задачи, охраняют границы и автоматически разрушают взаимозависимость общин Ферганской долины. Они включаются в конфликты и все чаще выступают в роли правоохранителей, тем самым обостряя конфликты, а иногда и провоцируя их. Применение ими оружия только усугубляет ситуацию. Все это побудило заключить между погранслужбами обеих стран соглашение о нейтралитете пограничников в конфликтах.

Международные организации, по мнению авторов, также можно считать новыми участниками конфликтов. В этой части Ферганской долины были реализованы сотни проектов международных организаций, направленных на снижение конфликтности. Но на самом деле они разрушают традиционную взаимозависимость общин и народов, усугубляя конфликты. В результате возникает недоверие к международным организациям.

Авторы определяют влиятельной стороной в создании конфликтов контрабандистов и криминалитет. Установление границ привело к масштабному разрастанию контрабанды, коррупции и общей криминализации региона. Контрабандисты заинтересованы в создании инфраструктуры контрабандной деятельности. Они также инвестируют в землю, оформляя или покупая большие участки земли на территории КР и на спорных землях, создают там латифундии и, соответственно, пытаются захватить контроль над водными источниками.

И наконец, миграционные сети и диаспоры. Все приграничные села сильно зависят от трудовой и предпринимательской миграции, которая развилась в последние 20 лет. Трудовая мигра-

ция отчасти снимает напряжение на рынке труда, в то же время она создала новых участников конфликта – миграционные сети и диаспоры, которые занимают двойственную позицию. С одной стороны, они обычно выступают в роли «ястребов», жестко отстаивая позиции своих сообществ в территориальных конфликтах, а с другой – сети вовлекают в миграционное движение и объединяют земляков с различным гражданством и этничностью, что создает почву для их взаимодействия и взаимопонимания.

В заключительной части статьи авторы рассматривают взаимосвязь различных причин конфликтов. В спорах за воду сконцентрированы все пограничные проблемы Ферганы: взаимные территориальные претензии, проблема дорог, доступ к пастбищам, растущее влияние организованной преступности и т.д. Остроту водной проблематике придает и то обстоятельство, что взаимозависимость таджикских и киргизских сообществ, проживающих рядом, но теперь по разные стороны границы, быстро снижается. Они не заинтересованы в совместной деятельности и выступают только как конкуренты за ресурсы – воду, землю, пастбища.

Меры, которые предпринимают правительства обеих стран, не приводят к улучшению положения на границе и не способствуют разрешению конфликтов. Правительство КР приняло стратегию максимально возможного обеспечения инфраструктурной, транспортной и энергетической независимости от соседних республик как основную меру по решению проблем приграничных территорий Баткенской области. Все реализованные транспортные и инфраструктурные проекты в приграничной зоне Киргизстана заметно снизили зависимость от транзита через территорию Таджикистана. В то же время в ряде случаев они ухудшили положение сообществ на таджикской стороне и создали новые очаги конфликтности.

Что касается таджикской стороны, то попытки отстаивания интересов местных сообществ, которые иногда совпадают с интересами киргизского населения, а иногда расходятся или противоречат им, блокируются центральной властью РТ, которая не хочет ссориться с Бишкеком ради обеспечения доступа к дорожно-транспортной сети КР. Поэтому стремление таджикских сообществ отстаивать свои интересы сталкивается с большим количеством противодействующих факторов. Одновременно растет разочарование и пессимизм местных жителей, которые теряют доверие к властям и к международным организациям.

В конце статьи исследователи приходят к следующим выводам: за последние 25 лет приграничные территории Ферганской

долины превратились в опасную зону, где возникли новые проблемы, возрождаются старые противоречия; этничность, гражданство, территориальность претерпели коренную трансформацию, которая шла разными путями в отдельных страновых частях Ферганской долины, и в результате понятия идентичности и представления об этнической территории имеют различное наполнение, вступают в противоречия между собой; вклад в разрастание конфликтности вносит рыночная экономика, так как растет конкуренция «без правил», расширяется круг сторон конфликта, включая пограничников, криминалитет, диаспоры, международные организации; усилия государств и международных организаций, направленные на снижение конфликтности, сводятся к установкам на максимально возможное обеспечение инфраструктурной, транспортной и энергетической независимости приграничных сообществ друг от друга, в результате чего разрушается взаимосвязь сообществ; страхи и опасения сторон порождают новые конфликты и одним из факторов, генерирующих страх, является так называемая «исламская угроза», которая заставляет страны минировать границы, препятствовать передвижению людей, товаров и транспорта.

Поиск выхода из этой тяжелой и запутанной ситуации может быть успешным только благодаря разработке новых стратегий управления конфликтами, скоординированным действиям властей всех уровней, учитывающим позиции и интересы местных сообществ.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

Гафуров У.Т.,

ректор Ташкентского исламского института
им. Имама Ал-Бухари

(при Управлении мусульман Узбекистана)

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН
УЗБЕКИСТАНА**

Ключевые слова: исламское образование, Духовное управление мусульман Узбекистана, Ташкентский исламский институт, ханафитская богословско-правовая школа, традиционализм, гуманистические идеи ислама, реисламизация, религиозный радикализм.

История исламского образования в Узбекистане насчитывает более 12 веков. Еще в IX–X вв. здесь существовала разветвленная сеть медресе, где преподавались как исламские, так и естественные (светские) науки. По существу медресе заменяло систему среднего специального и высшего образования. Но особенно интенсивно эволюционные процессы системы исламского образования заметны в конце XX – начале XXI в.

Необходимость анализа процесса эволюции религиозного образования в современном Узбекистане, учебно-методического содержания новых образовательных программ в исламских учебных заведениях, понимания общих процессов, связанных с трансформацией и реформированием системы современного исламского образования, становится очевидным.

В попытке манипулировать мусульманскими верующими с тем, чтобы они обеспечивали поддержку новой власти, в 20-е годы XX в. советское правительство выступило с заявлениями поддержки мусульман, обещая им религиозную свободу. Однако спустя даже десятилетие, когда обнаружилось, что в связи с высокой религиозностью мусульман антирелигиозная государственная политика не достигла успеха среди последователей ислама, советское правительство предприняло ряд мер, в результате которых сеть мусульманских учебных заведений в Узбекистане была практически уничтожена.

I. Формирование и функционирование сети учреждений мусульманского образования Управления мусульман Узбекистана в советское время с 1943 по 1991 г.

Единственными легальными и доступными для советских мусульман в 40–50-е годы XX в. учебными заведениями по подготовке религиозных кадров¹ не только для Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), но и для всех четырех исламских духовных управлений бывшего СССР² стали:

¹ *Имамы мечетей, муфтий* исламских учебных заведений, руководители регионального ранга – *кади, муфтии* и другие религиозные служители.

² С 1944 г. управление духовными делами мусульман СССР осуществляли четыре независимых друг от друга центра – Духовные управления мусульман (ДУМ) Средней Азии и Казахстана (Ташкент), ДУМ Закавказья (Баку), ДУМ

восстановленное медресе Мир-и ‘Араб (известна с 1540 г., воссоздана в 1945 г.) в Бухаре и медресе *Барак-хан* (1956–1961) в Ташкенте. На базе последнего в 1971 г. был создан Ташкентский исламский институт (‘*Алий ма‘хад*) имени Имама ал-Бухари, который функционирует по настоящее время.

На формирование перечисленных учебных заведений в новых условиях большое влияние оказало семейство муфтиев САДУМ Бабахановых – Ишан Бабахан Абдулмаджидханов (1943–1957), Зияутдинхан Бабаханов (1957–1982), Шамсиддинхан Бабаханов (1982–1989).

В мае 1945 г. САДУМ принял постановление «О создании двух медресе в гг. Ташкент и Бухара», с общим контингентом учащихся 90 человек и сроком обучения 9 лет. Учебный цикл состоял из двух ступеней: первая *ибтида’и* (5 курсов) и вторая *руиди* (4 курса).

После доложной переписки с Москвой 10 октября 1945 г. Совет народных комиссаров (Совнарком, СНК) СССР принял распоряжение об открытии в гг. Ташкенте и Бухаре мусульманских духовных училищ.

С 1 октября 1946 г. в медресе «Мир Араб» началось обучение 30 студентов. По решению САДУМ, учебный год начался 2 октября и продолжался до 1 мая, т.е. шесть месяцев с учетом зимних каникул. С 1962/63 уч. г. продолжительность учебы была изменена на восемь месяцев (с 1.09 по 1.05)¹.

Директором «Мир Араб» был назначен Такаев Абдухамид. Учителями Мухитдинов Ходжиакбархан (главный мударрис, учитель арабского языка, сарф, нахв, кираат, тажвид) и Изамов Гулям (преподаватель, учитель узбекского языка, сарф, нахв, хуснихат, хисаб)².

Но открытие медресе «Барак-хан» затянулось, и только в 1956 г. при содействии бывшего Уполномоченного советов в УзССР Иногамова³ было принято окончательное решение об

Северного Кавказа (Буйнакск (ныне Махачкала)), ДУМ Европейской части СССР и Сибири (Уфа).

¹ Информация о начале учебного года в духовном училище медресе «Мир Араб» в г. Бухаре – ЦГА Узбекистана, фонд № 837, опись № 39, дело № 1319, лист 18 (13.09.1962 г.).

² Список руководящего и обслуживающего состава медресе «Мир Араб» г. Бухара – ЦГА Узбекистана, фонд № 2456, опись № 1, дело № 92, лист 104 (1945).

³ В 04.02.1960 г. его отстранили от работы за попустительство, помощь и поддержку мусульманского духовенства с объявлением строгого выговора

открытии второго медресе в Ташкенте. Протоколом № 4 заседания полного состава членов Президиума САДУМ от 22 мая 1956 г. 6–7–8 классы медресе «Мир Араб» были переведены в медресе «Барак-хан», а 1–5 классы остались в «Мир Араб».

Директором медресе «Барак-хан» был назначен заместитель председателя САДУМ Фазылходжа Садикходжаев, заведующим учебной частью – бывший секретарь Сиражитдин Зияутдинов¹. Позже директором был назначен заместитель председателя САДУМ Исмаил Саттиев (1959), а завучем – Шаикрам Шаисламов (1962). Здесь преподавали Фазилхаджа Садикхаджаев, Мухиддин Бабахаджаев, Сулайман-кари Хамидов и Мухаммад-Амин Абдурахманов. 1 ноября 1956 г. учеба началась в здании гостиницы мечети «Тилла-Шайх» (г. Ташкент) и в двух классах медресе «Барак-хан»; учащихся было 34 человека (16–18), 23 из которых были из Узбекистана, четыре – из Таджикистана, четыре – из Киргизстана, два – из Казахстана и один – из Каракалпакской АССР.

В то время в обоих учебных заведениях преподавались 13 предметов, четыре из которых – религиозные (тафсир, хадис, мусталах ал-хадис – терминология хадиса, фикх), а семь – языковые (синтаксис, литература и риторика арабского языка, сочинение слов на арабском языке, русский и персидский языки) и два – светские (экономическая география, история СССР). Результаты полученных учащимися знаний оценивались мударрисами и преподавателями. Межсессионные экзамены обычно проводились по пяти предметам: тафсир, хадис, фикх, синтаксис (нахв), красноречие (балагат)².

В хрущёвскую эпоху (1953–1964) в стране начались новые гонения по отношению к исламу и другим конфессиям. В 1960 г. были приняты постановления ЦК КПСС и Бюро ЦК КП Узбекистана «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», а также решение Совмина УзССР «О закрытии “святых мест” и мазаров и передаче их в ведение Комитета по охране памятников материальной культуры при

с занесением в учетную карточку. 18 ноября 1960 г. вопрос об Иногамове повторно обсуждался на Бюро ЦК КП Узбекистана, постановлением которого Иногамов был исключен из рядов КПСС.

¹ Информация о начале 1960/61 уч. г. в духовных училищах Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана – ЦГА Узбекистана, фонд № 2456, опись № 1, дело № 275, лист 2.

² Учебный план медресе «Мир Араб» – ЦГА Узбекистана, фонд № 2456, опись № 1, дело № 92, лист 105 (1945).

Совете Министров УзССР», тем самым был закрыт один из основных каналов доходов САДУМ.

Среди прочих, в 1961 г. было закрыто медресе «Барак-хан» как незаконно действующее; медресе «Мир Араб» с общим контингентом 40 человек осталось единственным мусульманским религиозным учебным заведением¹.

В учебной программе был значительно сокращен объем часов, выделенных на изучение религиозных дисциплин, а некоторые религиозные предметы, например история ислама, были вовсе исключены из программы. Особое внимание было уделено изучению русского языка и других светских предметов (русская советская литература, политэкономия, история народов СССР, история народов Востока, политическая и экономическая география стран Азии и Африки)².

Решение об открытии Ташкентского исламского института имени Имама ал-Бухари было принято Советом по делам религий СССР в 1969 г., но институт начал функционировать только с 1971 г.

По программе на все четыре курса было предусмотрено 5878 учебных часов, из них 2812 (46,2%) – на религиозные дисциплины и 3066 (53,8%) – на светские. Учебная программа состояла из 21 дисциплины, в том числе: география СССР, Конституция СССР, история СССР, физкультура, основы государства и права³.

Значительное место в обучении и воспитании учащихся уделялось внеклассным работам. В целях повышения «культурного и политического уровня» учащихся среди них регулярно проводились лекции по актуальным вопросам международной жизни, важнейшим событиям дня.

Выписывалось более 25 наименований журналов и газет общесоюзного и республиканского уровней (журналы «Наука и жизнь», «Наука и религия», «Советский Союз», газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Совет Узбекистони» и др.).

¹ Письмо № 150 от 12.07.1961 заместителя уполномоченного советов по делам религиозных культов при Совете Министров УзССР А. Иванова заместителю Председателя СовМина УзССР – ЦГА Узбекистана, фонд № 837, опись № 39, дело № 900, лист 1.

² Информация о начале учебного года в духовном училище медресе «Мир Араб» в г. Бухаре – ЦГА Узбекистана, фонд № 837, опись № 39, дело № 1319, лист 19 (13.09.1962 г.).

³ Справка о деятельности мусульманских учебных заведений, функционирующих на территории Узбекской ССР, – ЦГА Узбекистана, фонд № 2456, опись № 1, дело № 589, лист 18.

Обязательным для студентов стал просмотр информационной программы «Время» Центрального телевидения, в каждой келье были установлены радиорепродукторы. Один раз в месяц организовывалось коллективное посещение кино или театра¹.

Просьбы учащихся об увеличении часов на преподавание религиозных предметов оставались без внимания. Высказывания же иностранных религиозных деятелей, посетивших СССР, сводились в основном к оценке низкого уровня преподавания религиозных предметов, арабского языка и малого количества учащихся.

Состояние исламского образования в рассматриваемый период в решающей степени зависело от отношения к нему со стороны как центральных, так и местных властей. Здесь заметно явное отличие нового советского конфессионального учебного заведения от традиционного – переход от индивидуальных занятий к коллективным. Именно на этом моменте терялось качество усвоения материала студентами и оценки их знаний. В учебном плане заметно деление дисциплин на две группы (светские, религиозные), причем светские дисциплины (история Родины, география, русский язык и др.) впервые, даже по сравнению с программой, разработанной по новым методикам для конфессиональных учебных заведений, стали превалировать над собственно религиозными.

В методике преподавания религиозных дисциплин также произошли серьезные изменения. Первым делом было отказано традиционной системе – преподавания по старым классическим учебникам-сочинениям средневековых авторов. При их замене заметны две тенденции: 1) идеологические установки традиционалистской школы; 2) попытки подражать арабским мусульманским университетам. Важную роль в этом сыграли стажировки ответственных работников САДУМ в исламских университетах арабского мира.

Отсутствие специального методического органа и опытных методистов дало свои негативные результаты. Рабочие учебные планы составлялись самими преподавателями (*мударрисами*) очень поверхностно: за все годы существования САДУМ не было издано ни одного своего учебно-методического пособия или учебника. Основная цель учебного заведения состояла в подготовке кадров, лояльно настроенных по отношению к советскому госу-

¹ Справка о деятельности мусульманских учебных заведений, функционирующих на территории Узбекской ССР, – ЦГА Узбекистана, фонд № 2456, опись № 1, дело № 589, лист 20.

дарству, не особо сильно образованных в религиозных науках. По существу многие студенты проводили время в стенах этого заведения с единственной целью – легализовать религиозное образование, полученное ими в частном порядке (в *хужре* или в семье).

«Перестройка» второй половины 80-х годов прошлого века положила начало либерализации отношения к религии и верующим. Такая либерализация стала неожиданностью, в первую очередь, для государственных органов. С развалом Советского Союза начались бесконтрольные процессы в духовной жизни общества. Строительство мечетей и медресе разворачивалось в каждом малом селении, кварталах крупных населенных пунктов и городов. Их количество не поддается точному учету. Если в 1989 г. мечетей было 89, то в 1993 г. – их стало более 3 тыс. Почти при каждой мечети создавались «школы по изучению Корана» или иные школы. Тогда же началась легализация подпольных религиозных учебных заведений.

Открытость общества породила новое явление: началось интенсивное проникновение на территорию Узбекистана различных исламистских организаций, ввоз огромного количества исламской литературы. Среди таких организаций наибольшую активность проявили «Джама‘ат-и таблиг», «Хизб ат-Тахрир ал-ислами», турецкие, иранские и саудовские организации.

Эти и другие тенденции, начавшиеся в годы перестройки, получили новое развитие и в постсоветский период.

II. Система исламского образования Управления мусульман Узбекистана в годы независимости с 1991 г. по настоящее время

За период советского правления в Центрально-Азиатском регионе вследствие репрессивной, атеистической политики в отношении религии произошло значительное ослабление роли традиционной модели ислама, принадлежащей к ханафитской богословско-правовой школе, как наиболее либеральной, толерантной к «религиозному инакомыслию» мазхабу, сложившемуся в течение веков и представляющему собой синтез исламских положений и местных доисламских традиций.

В начале 1990-х годов ключевым моментом ослабления позиций местного ислама и роста нетрадиционных для региона исламских течений, в том числе радикальных и ранее неизвестных

в регионе, стала критическая нехватка квалифицированных кадров среди духовенства (имамов, преподавателей, ученых-богословов, знатоков исламских наук).

В первые годы независимости возникла необходимость в зарубежном религиозном образовании с целью приобретения духовенством профессионального исламского образования. Данный процесс вначале во многом носил хаотичный и непродуманный характер. Наряду с отправкой за рубеж на обучение в известные мировые исламские образовательные центры, такие как Аль-Азхар (в Египте), большое количество студентов из стран Центральной Азии попало в малоизвестные, сомнительные учебные заведения (в Пакистане, Саудовской Аравии и т.д.). Все это способствовало тому, что вместо приобретения профессиональных знаний в области мусульманского богословия многие студенты познакомились с радикальными направлениями в исламе, в том числе и с идеологией так называемого «чистого ислама», «исламского халифата».

С другой стороны, к моменту активного проникновения извне в регион различных радикальных исламских организаций, выступающих под лозунгами возвращения мусульманским народам «истинного» ислама, на территории Центральной Азии сформировалась протестная база среди неформального духовенства, поддерживающего идею реисламизации мусульманского общества региона в рамках «чистого ислама».

Тогда существовала убежденность, что из арабо-мусульманского мира придут только чистые идеи, лишённые какой-либо политической подоплеки. Между тем процесс возрождения духовности через импорт религиозных идей оказался очень болезненным – было подорвано единство традиционалистов, создана благоприятная почва для бесконтрольного распространения различных течений ислама, в том числе радикальных и ранее неизвестных в регионе.

К моменту активного проникновения извне в регион различных радикальных исламских организаций, выступающих под лозунгом возвращения мусульманским народам «истинного» ислама на территории Центральной Азии, жаждущая в информационном и идеологическом плане часть мусульманского населения вместо приобретения знаний о созидательной сущности ислама познакомилась и впитала, как губка, учения радикальных групп, в том числе и идеологию так называемого «чистого ислама», «исламского халифата».

Комплекс причин роста влияния идей религиозного радикализма был вызван также неосведомленностью многих простых мусульман о внутренней природе и гуманистических идеях исламской религии. Несмотря на то что имеются существенные различия между традиционным исламом и религиозными экстремистскими идеями, последние обрели достаточное количество сторонников среди населения.

С развалом Советского Союза начались бесконтрольные процессы возрождения религии. Строительство мечетей и медресе разворачивалось в каждом малом селении, кварталах крупных населенных пунктов, городов. Их количество не поддается точному учету. Если в 1989 г. мечетей было 89, то в 1993 г. – их стало более 3 тыс.

Почти при каждой мечети создавались «курсы по изучению Корана» или иные религиозные школы. Общее число исламских учебных заведений (медресе) по Узбекистану в 1992 г. превышало 100. Из них только 20 находились в непосредственном ведении Управления мусульман Узбекистана¹.

Нужно отметить, что во многих этих медресе вообще отсутствовала учебно-методическая документация. Занятия проводили недипломированные специалисты. В отличие от советского времени, в учебном процессе главный упор был сделан на освоение собственно религиозных дисциплин. При этом личные позиции преподавателей и выпускников резко отличались друг от друга.

Проблема ограниченного, недостаточного количества квалифицированных религиозных кадров, вызванная хаотичностью открытия религиозных организаций (мечетей и медресе), бесконтрольностью назначения имамов, неграмотностью большинства священнослужителей (часто минбари – трибуны мечетей занимали далекие от религии люди), привела к невозможности эффективного религиозного противодействия проникновению религиозных экстремистских идеологий.

Вышеперечисленные факторы и обстоятельства определяли актуальность возрождения традиционных для региона исламских традиций, раскрытых в научных трудах великих мыслителей Мавераннахра, и подчеркивали необходимость совершенствования

¹ Список медресе, подведомственных Управлению мусульман Мавераннахра, – Архив отдела религиозного образования Управления мусульман Узбекистана.

системы мусульманского образования и подготовки квалифицированных религиозных кадров.

Как подчеркивал первый президент Республики Узбекистан И. Каримов, «необходимо мобилизовать силы и помочь просвещенному, толерантному исламу самому противостоять тем воинствующим фанатичным силам, которые пытаются доминировать в исламе».

Большое значение придавалось противопоставлению созидательной сущности традиционной модели ислама нетрадиционным идеологиям, а также проведению широкомасштабной разъяснительной работы среди населения, раскрывающей, с одной стороны, содержание и сущность духовно-нравственных ценностей ислама, а с другой – негативные стороны идеологии экстремизма, тем самым ослабляя позиции последнего.

После достижения независимости государством было выработано новое отношение к религии. При проведении религиозной политики в независимом Узбекистане соблюдаются два принципа:

1. Светский характер государства.
2. Его толерантность – веротерпимое и равноправное отношение ко всем религиям, стремление к развитию созидательного сотрудничества с религией.

В деле наведения порядка в религиозной сфере важным шагом стало проведение государственной перерегистрации всех религиозных организаций, в том числе конфессиональных учебных заведений.

Государство предприняло немало усилий для оказания помощи УМУ в установлении порядка в деятельности религиозных учебных заведений. В юридическом плане это выразилось в ужесточении законодательства по их регистрации и выдаче лицензий.

Изменения в сфере религии обусловили подготовку компетентных религиозных кадров в достаточном количестве. До открытия в нынешнем году по инициативе президента страны Шавката Мирзиёева Высшего медресе «Мир Араб» в г. Бухаре в Узбекистане функционировали Ташкентский исламский институт, десять среднеспециальных исламских учебных заведений, в том числе два женских¹.

¹ В июне 2017 г. Министерство юстиции Узбекистана зарегистрировало Высшее медресе «Мир Араб» в Бухарской области в качестве еще одного высшего религиозного образовательного учреждения.

Заслуживает особого внимания постановление кабинета министров Республики Узбекистан, принятое 22 августа 2003 г. Согласно этому постановлению, во-первых, дипломы, выданные выпускникам Ташкентского исламского института и среднеспециальных религиозных учебных заведений, учитывая тот факт, что в них преподаются религиозные и светские предметы, были приравнены к государственным документам об аттестации.

Во-вторых, религиозные объекты (мечети, медресе), прошедшие государственную регистрацию как объекты культурного наследия, передаются Управлению мусульман Узбекистана для пользования.

В-третьих, религиозные организации отныне будут оплачивать коммунальные услуги не как юридические, а как физические лица. Высвобождающиеся средства, а также благотворительные поступления будут направляться на ремонт и реконструкцию мечетей, укрепление учебной и материальной базы религиозных учебных заведений, материальное стимулирование деятельности имам-хатибов и преподавателей-мударрисов.

В *Ташкентском исламском институте* дисциплины преподаются по четырем блокам: гуманитарные и общественно-экономические, математические и естественные, общепрофессиональные, специально-исламские предметы.

Во всех *средних исламских учебных заведениях* по блоку «общие дисциплины» преподаются родной язык и литература, иностранные языки, история, основы духовности, основы государственного права, обществоведение, педагогика, психология, эстетика, география, физика, химия, астрономия, биология, математика, информатика.

В блоке «специальные дисциплины» студенты изучают историю религий, арабский язык, историю ислама, теологию, мусульманское право, хадисоведение, рецитацию Корана, тафсир. Кроме этого, в медресе также обучают художественному ремеслу, здесь функционируют кружки по каллиграфии и по орнаменту. Особое внимание уделяется занятию спортом. Начиная с 2000/01 уч. г. стало традицией проведение спортивных состязаний между духовными учебными заведениями в рамках программы «Баркамол авлод» (*Всесторонне развитое поколение*).

В целях дальнейшего совершенствования методики образования, усиления отдачи от учебного процесса налажена также переподготовка педагогических кадров. На курсах повышения квалификации, организованных при Ташкентском исламском уни-

верситете, преподают видные богословы республики, компетентные ученые, профессора и деятели науки.

Студентов исламских учебных заведений обучают также народным ремеслам и полезным профессиям, таким как резьба по дереву, художественный орнамент, золотошвейное дело, ковроткачество, каллиграфия, кройка, шитьё и др.

Учебные заведения имеют собственные библиотеки, оснащенные необходимой религиозной, научной, политической, духовной, просветительской литературой, учебниками и пособиями. В фондах библиотек накоплены более 32 тыс. томов книг, 22 тыс. из которых – религиозного, остальное светского содержания.

Уделяется большое внимание использованию технических средств в процессе обучения, постоянно укреплялась материально-техническая база. В каждом учебном заведении начали функционировать компьютерные классы, в которых студенты овладевают современной компьютерной техникой.

Начиная с 2002/03 уч. г. проводится единая олимпиада по всем предметам, что стимулирует рост интереса студентов к научным и учебным дисциплинам¹.

Важно отметить придание нового мощного импульса вопросам обеспечения социальной стабильности, сохранения истинной сути и содержания священной религии ислам, сохранения и изучения богатейшего религиозно-духовного наследия великих предков после прихода к власти нового президента Узбекистана Шавката Мирзиёева.

Глава государства наряду с расширением международного сотрудничества и укреплением межнационального согласия и религиозной толерантности в обществе уделяет особое внимание повышению уровня знаний народа об истинной сути и содержании религии, а также необходимости посредством жизненных и действенных примеров прививать молодежи здоровое отношение к религии.

«Важнейшей задачей мы считаем довести до широкой мировой общественности подлинно гуманистическую суть Ислама. Мы чтим нашу священную религию как средоточие исконных ценностей. Мы решительно осуждаем и никогда не примиримся с теми, кто ставит нашу великую веру в один ряд с насилием и кровопролитием. Ислам призывает нас к добру и миру, сохране-

¹ Управление мусульман Узбекистана (на узбекском, английском, русском, арабском языках). – Ташкент, 2014. – С. 78–93.

нию подлинного человеческого начала», – подчеркнул Ш. Мирзиёев, выступая на недавней 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Изменения в государственной политике в отношении религии, а также коренные перемены в образовательной сфере позволили решить широкий круг вопросов, связанных с совершенствованием системы исламского образования в Узбекистане.

В целях дальнейшего совершенствования методики образования, усиления отдачи от учебного процесса происходят структурные изменения, наблюдается улучшение в организации учебного процесса. Изменились и расширились цели среднего и высшего исламского образования. В системе исламского образования отмечаются новые подходы к разработке образовательных стандартов, аттестации научно-педагогических кадров. Появились новые требования к интеллектуальному уровню религиозных кадров, призванные помочь им ответить на злободневные вопросы современности.

Разрабатываются и последовательно воплощаются в жизнь новые программы мер по дальнейшему комплексному и качественному развитию системы исламского образования, совершенствованию учебно-методического содержания образовательных программ исламских учебных заведений, повышению уровня подготовки высококвалифицированных религиозных кадров, укреплению и модернизацию материально-технической базы исламских образовательных учреждений, оснащению современными учебно-научными, информационно-коммуникационными технологиями.

В системе мер по возрождению и более глубокому изучению религиозно-духовного наследия предков, подготовке квалифицированных кадров в сфере религии следует особо отметить, что уже с начала текущего года по инициативе и согласно постановлениям президента Узбекистана созданы международные научно-исследовательские центры имени Имама ат-Термизи в г. Термезе и имени Имама ал-Бухари в Самарканде, Центр исламской цивилизации в г. Ташкенте, еще одно высшее исламское учебное заведение – Высшее медресе «Мир Араб» в г. Бухаре.

Начиная с 2017/18 уч. г. учебные программы девяти исламских среднеспециальных учебных заведений (медресе) совершенствованы на уровне бакалавриата.

В 2017 г. произошло много радостных событий и в Ташкентском исламском институте. В частности, увеличены квоты приема абитуриентов на 70%. В целях обеспечения мечетей имам-хатибами с высшим исламским образованием в институте создано

новое специальное заочное отделение со сроком обучения три года. В 2017/18 уч. г. в специальное заочное отделение поступило 60 действующих имам-хатибов республики, имеющих среднее специальное исламское образование и стаж практической работы в мечетях не менее пяти лет.

С ноября 2017 г. при Управлении мусульман Узбекистана начали свою деятельность пять исламских научных школ: школа исламского права (фикх) при научном центре Бурханиддина ал-Маргинани в Фергане, школа хадиса при научном центре ал-Бухари в Самарканде, школы исламской теологии (акида) при научных центрах Имама ал-Матуриди в Самарканде и Абул-Муина ан-Насафи в Кашкадарье, школа тасаввуфа при научном центре Бахауддина Накшбанда в Бухаре.

Указом президента Шавката Мирзиёева от 15 декабря 2017 г. создана Исламская академия Узбекистана. Учредителем негосударственного высшего образовательного и научно-исследовательского учреждения выступает Управление мусульман Узбекистана.

Деятельность Исламской академии Узбекистана, которая 15 января 2018 г. была зарегистрирована Министерством юстиции, направлена на обеспечение высших и средних специальных религиозных образовательных учреждений страны высококвалифицированными научными и педагогическими кадрами.

В Исламской академии будут готовиться магистры по специальностям «Корановедение», «Наука фикх», «Хадисоведение» и «Наука калам». Кроме того, здесь будут функционировать базовая докторантура (PhD) и докторантура Doctor of Science.

Для обучения и ведения научных исследований на контрактно-грантовой основе будут приниматься граждане Узбекистана и других стран. Для независимых исследователей планируется внедрение возможностей дистанционного образования и самостоятельного ведения исследований.

Квота приема студентов на магистратуру академии на 2018/19 уч. г. определена в количестве 16 мест. В последующие годы квота будет определяться Управлением мусульман в зависимости от потребностей в научно-педагогических кадрах.

При новой академии будет действовать Специализированный научный совет по защите магистерских и докторских диссертаций и присвоению научных степеней магистра исламоведения, доктора философии (PhD) и доктора (Doctor of Science) исламоведения.

Таким образом, можно сказать, что исламские учебные заведения УМУ (девять медресе, Ташкентский исламский институт и Высшее медресе «Мир Араб»), Исламская академия Узбекистана совместно с исламскими академическими школами (фикха, акиды, хадиса, тасаввуфа) и научно-исследовательскими центрами (Имама ат-Термизи, Имама ал-Бухари, Центр исламской цивилизации) создадут единую систему непрерывного исламского образования и науки.

Подводя итоги сказанному, особо хотим отметить, что за прошедшие годы Управление мусульман Узбекистана поднялось на качественно новый уровень в сфере подготовки квалифицированных религиозных кадров, возрождения и более глубокого изучения бесценного религиозного наследия ученых и богословов Мавераннахра, противодействия невежеству просвещением, воспитания молодежи в духе национальной гордости, толерантности и общечеловеческих ценностей.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Малеки Реза,

доктор Университета им. Алламе Табатабаи
(Исламская Республика Иран)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР ИРАНА И РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: Россия, Иран, двусторонние отношения, диалог культур.

Диалогу культур России и Ирана 500 лет. Однако с недавних пор, в частности с момента победы Исламской революции в Иране и распада Советского Союза, взаимоотношения вышли на новый уровень. Они также поддерживаются всевозможными документами и договорами. Вместе с тем мы наблюдаем, что, несмотря на значительное развитие, в настоящее время они не реализуются в должной степени как на уровне взаимоотношений двух стран, так и на региональном и международном уровнях: появились новые проблемы и вызовы.

В то время как сложнейшие проблемы двух стран на всех уровнях связаны с такими явлениями, как экстремизм, терроризм, национализм, религиозная нетерпимость и культурное влияние Запада, нельзя не отметить, что корнями все эти вызовы уходят в культуру. Однако всё внимание правительств двух стран приковано к политическим, экономическим и военным отношениям, в то время как о культурных отношениях забывают, отводя им весьма незначительное место. Тем не менее стоило бы начинать работу как раз с развития культурного сотрудничества. Общие угрозы и перспективы двух стран, а также необходимость оптимизации объема сотрудничества Ирана и России на этом уровне требуют тщательного пересмотра и реструктуризации культурных взаимоотношений двух стран.

Вызовы, общие интересы и цели на двустороннем, региональном и международном уровнях

На разных уровнях ситуация выглядит следующим образом:

- на уровне двусторонних отношений – отсутствие стратегических отношений, совместного дискурса, а также взаимопонимания между народами Ирана и России;
- на региональном уровне – влияние экстремистских движений, западной культуры и угроза национальной, племенной и религиозной идентичности, а также неспособность стран региона прийти к общему пониманию;
- на международном уровне – разлад в международной системе, превосходство США и западных стран на мировой арене, отсутствие универсального диалога для установления международного порядка в мировом сообществе.

России и Ирану в двусторонних отношениях, на региональном и международном уровнях необходимо предпринять следующие шаги:

- установить взаимопонимание между народами России и Ирана;
- решить региональные проблемы;
- установить международный диалог и многополярный мир.

Способы достижения поставленных целей

На уровне двусторонних отношений. Если Россия и Иран будут сотрудничать в качестве стратегических партнеров и выведут свои отношения на новый уровень, это приведет к появлению общих интересов, целей и вызовов на двустороннем, региональном и международном уровнях. Страны смогут противостоять совместным вызовам, а также защищать и развивать совместные интересы.

Стратегическое сотрудничество Ирана и России можно назвать упрочившимся, стабильным, крепким и эффективным с учетом интересов двух стран. Вместе с тем и с учетом сказанного стабильность долгосрочных отношений двух стран под влиянием многих факторов всё же будет вызывать сомнения, в то время как отношения между двумя странами могут быть более стабильными и эффективными, а их характер сменится на стратегический.

С другой стороны, если рассматривать отношения Ирана и России как пирамиду, то на вершине самой главной ее частью будет переход к стратегическим отношениям, который напрямую зависит от развития сотрудничества в ядерной сфере. Как бы ни расширялось сотрудничество и взаимопонимание Ирана и России, между двумя странами должна появиться усовершенствованная инфраструктура как основа для укрепления связей и их институционализации. Ясно, что этот факт окажется выгодным в выстраивании отношений Ирана и России, и поэтому культурные стратегические отношения между двумя странами являются основой стратегических отношений.

Для создания взаимопонимания двух стран будет недостаточно применения традиционных методов культурной дипломатии. При этом надо отметить, что эти методы не могут сами по себе в отдельности создать адекватный образ Ирана в российском обществе и наоборот. Возможности Ирана и России должны осуществляться при условии их взаимопомощи. В качестве примера следует привести российские СМИ, которые активно рассказывают о жизни современного Ирана, создавая при этом образ страны. Иранские СМИ также стараются более широко рассказывать о России и событиях, происходящих в этой стране. Для поднятия культурных отношений между Ираном и Россией на стратегический уровень могут быть эффективными следующие актуальные шаги:

- создание совместного ирано-российского комитета по культурному сотрудничеству;
- подписание соглашений в области культуры;
- создание и активная работа культурных центров в двух странах;
- создание совместных аналитических центров в области гуманитарных, культурных и общественных наук.

Перспективные направления сотрудничества на ближайшие десять лет:

- персидский язык должен занять седьмое место среди иностранных языков, изучаемых в России;
- русский язык должен занять третье или пятое место среди иностранных языков, изучаемых в Иране;
- число иранских студентов, обучающихся в России, должно достигнуть 5 тыс. человек; число российских студентов, обучающихся в Иране, должно достигнуть 1 тыс. человек;

– турпоток между Россией и Ираном должен увеличиться до 1 млн туристов в год;

– количество иранских художественных фильмов, которые будут демонстрироваться в кинотеатрах и по телевидению в России, должно увеличиться до 18 фильмов в год;

– количество российских художественных фильмов, которые будут демонстрироваться в кинотеатрах и по телевидению в Иране, должно увеличиться до 18 фильмов в год;

– количество научных и культурных докладов об Иране на российском радио и телевидении, плодотворно влияющих на создание позитивного имиджа страны, должно увеличиться на 12 сообщений в год;

– количество научных и культурных докладов о России на иранском радио и телевидении, плодотворно влияющих на создание позитивного имиджа страны, должно увеличиться на 12 сообщений в год;

– иранские ученые, интеллектуалы и артисты ежегодно должны участвовать в 300 научных, культурных и творческих мероприятиях, проводимых в России;

– российские ученые, интеллектуалы и артисты ежегодно должны участвовать в 200 научных, культурных и творческих мероприятиях, проводимых в Иране.

На региональном уровне. У Ирана, России, стран Центральной Азии и Кавказа есть общие проблемы, характерные для всей Евразии, в частности проблемы в сфере культуры. Среди этих проблем рост экстремизма, культурное влияние США, национально-религиозный раскол, распространение дивергенции. Часто они привнесены в регион извне. Страны региона борются с ними в одиночку, делая акцент на методах воздействия, не связанных с культурой, и не имея общего плана противодействия. Тем не менее эффективное использование культурного потенциала всех стран в регионе может способствовать преодолению этих проблем.

Для оптимального использования культурных возможностей стран региона, а также для поднятия отношений и культурного сотрудничества на более высокий уровень необходимо сформулировать эту политику как «региональное культурное взаимообогащение». Благодаря достигнутому повышению уровня культуры в различных областях, а также равнодействующей силе культурного влияния в регионе, отдельные страны будут способствовать развитию своего и общего культурного потенциала. Иран и Россия, обладая способностью транснационального воздействия,

помимо двустороннего культурного взаимодействия, могут играть конструктивную роль в создании регионального диалога, который может подняться до уровня многостороннего культурного диалога. Для того чтобы достичь регионального культурного взаимообогащения, в качестве первых шагов необходимо провести заседание министров культуры стран Евразии; сформировать совместную комиссию по культурному сотрудничеству в Евразии; образовать общий евразийский аналитический центр, а также создать культурные карты Евразии, коалиции и совместные многосторонние культурные структуры, основать или же активизировать культурные организации Евразии.

На международном уровне. Самое важное, что сейчас происходит в мире, – это изменения в международной системе, которая складывается в переходный период. Эта эпоха возможностей и угроз другим странам, эффективных сообществ, а в будущем она станет источником формирования международной системы. В результате Первой и Второй мировых войн основные страны-участницы разделились на победителей и проигравших. Если сейчас главные игроки не будут выстраивать свое будущее с учетом особенностей той эпохи, то они могут оказаться среди проигравших. Знание особенностей этой эпохи и осознание своего положения в ней поможет нам повлиять на формирование желаемой международной системы в будущем. Важнейшими факторами в этом формировании являются сохранение мировых ценностей и дискурс. Иран и РФ имеют особое положение и возможности, они играют большую роль в формировании желаемой системы международного порядка. Для оптимального использования культурных возможностей стран региона, а также для вывода отношений и культурного сотрудничества на более высокий уровень необходимо, чтобы это способствовало «поднятию культуры в регионе». Благодаря достигнутому повышению уровня культуры в различных областях, а также равнодействующей силе его влияния в регионе отдельные страны будут способствовать развитию культурного потенциала. Краткий обзор некоторых ключевых дискурсов в мировом порядке:

- уменьшение вероятности возникновения конфликта: мир и безопасность;
- мирное сосуществование;
- либеральная демократия, свободный рынок и права человека: нынешнее положение в США;

– доброжелательные отношения: мир, безопасность, спокойствие, справедливость, взаимообогащение, развитие, счастье.

Утверждение роли Ирана и России в современном миропорядке (с точки зрения понятия «мягкой силы»):

– создание совместного аналитического центра Ирана и России;

– наблюдение за общепризнанными ценностями и культурологическими дискурсами в мировом порядке;

– определение совместных ценностей Ирана и России;

– определение способов проведения дискурса, убеждений, достижения консенсуса на основе общих ценностей в регионе и мире;

– планирование и другие необходимые меры для создания региональных коалиций «мягкой силы» и общего дискурса;

– определение общих ценностей относительно Шёлкового пути и его значимости в изменении взглядов, духовности и культуры;

– определение общих ценностей Евразии и ее значимость в изменении идей, духовности культуры стран Востока и Запада;

– определение роли и места Ирана и России в становлении Шёлкового пути в Евразии;

– определение общих ценностей ислама и православия и путей работы в создании дискурса на основе общих религиозных ценностей.

«Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2016 г.: ФГБОУ ВО МГЛУ», М., 2017 г., с. 138–143.

2018.01.005. Шангараев Р.Н. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ //

Обозреватель–Observer, М., 2017, № 11, с. 73–82.

Ключевые слова: «мягкая сила», панисламизм, пантюркизм, кемализм, Турция, Россия, СНГ.

Шангараев Р.Н.,

кандидат экономических наук,

научный сотрудник ИАМП

Дипломатической академии МИД России

В данной статье автор рассматривает вопросы, связанные с идеологической составляющей внешней политики Турции, которая в значительной мере определяется ее историей, культурой и географическим положением. После распада СССР страны Центральной Азии и Кавказа вошли в сферу влияния Турции, она первая установила с ними дипломатические отношения.

В отношении народов Кавказа Турция старалась делать упор на схожую этническую и культурную составляющую, но такой подход подействовал не на всех и причиной тому были замороженные конфликты и исторически сложившиеся разногласия (например, в отношениях между Турцией и Арменией).

Турция во внутренней политике достигла определенного социально-политического и экономического баланса, следствием чего стало распространение ее влияния на соседние территории через создание ряда институтов «мягкой силы». Эти неправительственные организации, получив государственную поддержку, стали каналами турецкой публичной дипломатии, стратегической коммуникации и расширения влияния Турции в регионе.

Современная Турция взяла курс на укрепление своего влияния на весь исламский мир, позиционируя себя чуть ли не единственным защитником интересов всей мусульманской уммы. Среди этих институтов автор выделяет следующие организации: Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (*TIKA*), Турецкую ассоциацию промышленников и бизнесменов (*TÜSİAD*), Фонд Юнуса Эмре, Международную организацию тюркской культуры (*TURKSOY*), Совет Турции по научно-техническим исследованиям *TUBITAK*.

Анализируя идеологическую составляющую внешней политики Турции автор отмечает, что осознание Турцией «мягкой силы» явилось следствием трансформации, произошедшей в турецкой внешней и внутренней политике.

Именно в сфере идеологии берет начало череда фундаментальных сдвигов в подходе Турции к вопросу ценностей как выражения ее социополитического самосознания, вылившегося в коренной пересмотр вектора ее внутри- и внешнеполитического развития. Ключевыми идеологическими рычагами, которые активно

использовались Турцией в своей внешней политике в XX в., являлись идеи пантюркизма, панисламизма, которые должны были отвечать задачам, стоящим перед государством.

Идея панисламизма была сформулирована во второй половине XIX в. и в конечном итоге предполагает возвращение к классическому исламу, в котором приоритет отдается конфессиональной общности над этнической. Данная идея была подхвачена в 90-х годах правительством Н. Эрбакана, который стал первым происламским премьер-министром страны. Главной целью провозглашалось сближение с государствами, большая часть населения которых исповедует ислам.

После краха Османской империи и провозглашения Мустафой Кемалем Ататюрком республики была определена новая идеология, которая получила название «кемализм» и была ориентирована на переход Турецкой Республики из страны с восточным, исламским характером на западный светский уклад социально-политической жизни. Идеология кемализма долгое время являлась ключевой во внутренней и внешней политике страны. Однако с приходом к власти Партии справедливости и развития (2002) постепенно намечается сдвиг восприятия методов формирования и осуществления внутренней и внешней политики Турецкой Республики. Такого рода ориентация сложилась и упрочилась с момента вступления на пост министра иностранных дел Ахмета Давутоглу. А. Давутоглу, являющийся последователем школы либерализма, не только сформировал внешнеполитическую концепцию, которая включает в сферу влияния Турции достаточно широкий круг вопросов и направлений, но и теоретически обосновал интерес Анкары к ряду регионов – от Европы до Африки и от Китая до Балкан. А. Давутоглу сформулировал идею о том, что геополитические изменения конца XX – начала XXI в., а также процессы глобализации ставят на повестку дня вопрос идентичности, не привлекавший должного внимания в период холодной войны.

По мнению А. Давутоглу, Турция, утвердившаяся в начале XX в. как нация-государство, должна вспомнить о своем османском прошлом, которое определяет особую «стратегическую глубину» турецкой внешней политики, накладывающем на страну ряд геополитических обязательств. В рамках идей А. Давутоглу можно было рассмотреть и элементы пантюркизма, который воспринимался в контексте более широкого понятия пантуранизма, заключающегося в создании Великого Турана, прародины тюркских народов, простирающегося от Балкан до Восточной Сибири.

Привлечение в зону своего влияния стран, относящихся к регионам Ближнего и Среднего Востока, Балкан, а также амбициозное внешнеполитическое продвижение в Африку, Азию и Латинскую Америку требуют от Турции осознания невозможности применения к данным регионам классической, например как для американской внешней политики, модели «кнута и пряника». В соответствии с данными соображениями в основе турецкой внешней политики заложены идеи об общности исторической судьбы и взаимном развитии культур.

Все вышеперечисленные проекты, реализуемые при прямом либо косвенном содействии правительства Турецкой Республики, наглядно демонстрируют ту значимость, которую страна придает закреплению своего влияния в регионе и на постсоветском пространстве. Анкара проводит последовательную политику, чтобы войти в ряд самых сильных государств мира. Претендуя на роль модернизатора Евразии, Турция стремится расширить географические границы своего геополитического влияния. Отношение к османскому прошлому как к общему для многих народов пространственно-временному континууму позволяет Турции представлять свой опыт в качестве потенциального общего знаменателя для разрешения кризисов и проблем, создания новой региональной динамики в рамках евразийского континента при включении в этот процесс не только этнически и лингвистически близких, но и отличных по этим признакам народов. Иными словами, внешняя политика Турции, часто именуемая «неоосманизмом», имеет целью распространение своего влияния на целый ряд регионов и народов, используя риторику общего прошлого.

Автор реферата В.Н. Сченснович

Бибикова О.П.,
кандидат исторических наук, ИВ РАН
ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНЕ
ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В бывших социалистических республиках Восточной Европы образовалось мусульманское сообщество, члены которого являются выходцами из разных стран.

Ключевые слова: атеизм, мусульмане, беженцы, проявление ксенофобии, идентичность.

После распада Чехословакии на карте Европы в 1993 г. появилась Чешская Республика. Сегодня Чехия является членом различных международных организаций, таких как Европейский союз, ООН, ВТО, НАТО и др.

Большая часть населения страны (59%) относится к неверующим, хотя среди них встречаются люди, посещающие церковь по праздникам или траурным мероприятиям. Это позволяет отнести Чехию к наименее религиозным странам Европы. По мнению Гануша Ныкла, протодиакона православной церкви Чешских земель и Словакии, «Чехия считается самой атеистической страной Европы»¹. Тем не менее традиционно в Чехии доминирует католицизм. Примерно 27,4% населения являются приверженцами Римской католической церкви.

По данным чешского статистического ведомства, число католиков и протестантов значительно сократилось за период 1991–2011 гг. В ходе переписи 2011 г. примерно треть населения объявила себя атеистами, а 45,2% отказались отвечать на вопрос о вероисповедании в анкете². Гануш Ныкл считает, что причиной является скептическое настроение и недоверие к государственным службам, ибо как иначе объяснить тот факт, что во время переписи населения тысячи людей в графе национальность писали «эскимос»³. Как и во многих других странах, в Чехии проживают представители разных национальностей и вероисповеданий. По данным на 2015 г., здесь проживало примерно полмиллиона иностранцев. 60% из них – это словаки, вьетнамцы и украинцы⁴.

В 2002 г. в Чехии был принят Закон о религиозных организациях, в соответствии с которым традиционные церкви (к ним относятся 26 церковных сообществ) имеют право получать от государства материальную помощь, включая оплату деятельности духовенства. В 2012 г. правительство объявило о начале кампании по возврату церкви религиозной собственности, которая будет проходить до 2030 г. Согласно принятому законодательству, новые религиозные организации (с числом верующих не менее 300) должны быть зарегистрированы и, просуществовав десять лет (при наличии верующих не менее 1% населения страны), могут рассчитывать на получение статуса традиционной религии с правом на материальную поддержку от государства.

До недавнего времени в стране отсутствовали нехристианские религиозные сообщества (кроме иудаизма). Открытое общество и свобода вероисповедания сделали возможным появление новых сообществ, прежде всего протестантов американского типа.

Однако недоверие к государству заставляет верующих не фиксировать свою религиозную принадлежность во время опросов и переписей.

В частности, Г. Ныкл отмечает, что статистика зафиксировала слишком малое число мусульман, «чуть более 3 тыс. Однако выходцев из мусульманских стран в Чехии как минимум на порядок больше»⁵.

Чехия, находясь в центре Европы, издавна торговала с мусульманскими странами. Основные контакты с мусульманами осуществлялись с выходцами из соседних стран – Болгарии и Хорватии, которые уже в конце XIV в. попали под власть османов. Известно, что уже в XV в. в Чехию приезжали купцы с Востока за мехами и рабами⁶. Именно от приезжих купцов шла основная информация об исламе. Ян Гус (1369–1415), проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации, упоминал в своих трудах о Коране. В период 1867–1918 гг. Чехия находилась в составе Австро-Венгрии, в состав которой входили и территории, населенные мусульманами. В частности, Босния, обладавшая большим числом исламизированного в период османского владычества населения, в 1878 г. попала под власть Австро-Венгерской монархии. В этих условиях боснийцы стали перемещаться по соседним землям. Часть из них осела в чешских землях. В 1912 г. император Франц-Иосиф признал права мусульманского сообщества страны. Тогда же Коран был переведен на языки Австро-Венгрии, в том числе и на чешский.

В 1918 г. неудачи на фронтах Первой мировой войны и экономический кризис привели к распаду Австро-Венгерской империи. Некогда переселившиеся в Чехию боснийские мусульмане остались жить на чешских землях. В 1934 г. сотни мусульман объединились и обратились к властям с просьбой о признании де-юре мусульманской организации. Несколько лет прошло в согласовании вопросов, связанных со смешанными браками, в поиске помещений для совместной молитвы, урегулировании вопросов, связанных с культом (жертвоприношение, погребение и т.д.). В 1935 г. казалось, что со своей стороны мусульманские активисты соблюли все формальности, предусмотренные для создания религиозного сообщества. Однако официального признания так и не произошло. Как отмечает словацкий исследователь Г. Пирицки, «парадоксально, но чешское мусульманское сообщество было впервые признано нацистскими властями (*Protektorat Böhmen und Mähren*) в 1941 г.»⁷. Однако построить мечеть и в тот период не

удалось. Естественно, что после 1945 г. юридические положения, введенные немецкими властями, были признаны незаконными.

После Второй мировой войны мусульманское сообщество продолжало быть достаточно малочисленным, к тому же политика правительства в период социализма отнюдь не предусматривала поддержки религиозных сообществ. Во времена правления президента Э. Бенеша (1940–1945) был принят ряд декретов националистического характера⁸. В частности, венгры и немцы были практически изгнаны из страны без возмещения убытков за утраченное имущество. В отношении других были приняты законы, ограничивающие их права. Новые попытки мусульман добиться регистрации сообщества в период Пражской весны 1968 г. также успеха не имели.

К вопросу о регистрации мусульманской ассоциации вернулись лишь в середине 1970-х годов, после того как в 1968 г. образованный Союз мусульманских сообществ обратился к властям с просьбой о признании. К тому времени в ряде городов возникли небольшие, стихийно созданные мусульманские общины. Следует отметить, что стремление объединяться со своими соплеменниками или людьми одной веры – черта, характерная для выходцев из района распространения ислама. Известно, что в 2015 г. мусульманская община Карловых Вар состояла из десяти человек, однако они уже обратились к руководству города с просьбой организовать стационарное помещение для молитв, тем более что Карловы Вары привлекают иностранных пациентов, в том числе из мусульманских стран⁹; в частности, учитывая высокий уровень ухода в чешских перинатальных центрах, сюда приезжают женщины из богатых арабских семей.

Численность мусульман в Чехии

В 2004 г. Чехия стала членом Евросоюза. Открылись новые возможности для граждан страны, чем немедленно решили воспользоваться многие мусульмане, находившиеся в стране временно – студенты, предприниматели, тем более что новый закон позволял претендовать на получение гражданства тем, кто прожил в стране более пяти лет. Среди студентов доминируют выходцы из арабских стран, приехавшие обучаться в чешских вузах. Уровень образования в Чехии отвечает самым высоким европейским стандартам, поэтому сюда традиционно стремились попасть на учебу выходцы из разных стран. Характерно, что 80% студентов араб-

ского происхождения, как мусульман, так и христиан, получают или уже имеют диплом медицинских вузов; 20% – инженеры. Это престижные профессии, востребованные и хорошо оплачиваемые как на их родине, так и в Чехии. В новой ситуации эти квалифицированные специалисты нашли рабочие места в Чехии.

В стране также имеются крупные сообщества мусульман из соседних европейских стран: албанцы, боснийцы (в большинстве своем потомки тех, кто переселился еще в Австро-Венгрию), а также выходцы с Кавказа. В целом надо отметить, что среди новых иммигрантов мусульманского происхождения как среди студентов, так и среди иных категорий преобладают мужчины. Это обстоятельство логично предполагает, что благодаря бракам с чешскими женщинами растет число новообращенных мусульман.

Как было сказано выше, численность мусульман в стране не может быть точной в силу традиционной привычки не указывать религиозную принадлежность в период переписи. Социолог из Карлова университета Карел Черны приводит цифру в 22 тыс. человек¹⁰. Мусульмане Чешской Республики исповедуют суннитский ислам ханифитского толка. Известно также, что в стране присутствует малочисленная группа шиитов (около 300 человек).

Формирование мусульманских организаций

В июне 1990 г. была провозглашена новая Чешская Социалистическая Республика, которая уже вскоре подтвердила права граждан, исповедующих ислам. Весной 1991 г. (еще до официальной регистрации) в Праге состоялось совещание Союза мусульманских религиозных сообществ. В том же году два мусульманских сообщества – в Праге и в Брно – получили официальный статус. В 1992 г. в Брно было впервые открыто молельное помещение. Оно ничем не отличается от соседних зданий и не имеет минарета. До этого мусульмане собирались на пятничную молитву в арендованных помещениях и даже в одном из помещений посольства Египта в Чехословакии.

Спустя два года был открыт Исламский фонд, целью деятельности которого было создание условий для отправления культа: это, прежде всего, организация подходящих помещений для молитвы, обеспечение мусульман литературой. Благодаря пожертвованиям фонд смог в 1995 г. приобрести участок земли для строительства мечети, однако власти Брно, а также жители города

долгое время препятствовали выдаче разрешения на строительство мечети. Тем не менее в 1998 г. мечеть была построена. Затем городские власти выделили участок на местном кладбище для мусульманских захоронений. Еще один участок на кладбище был выделен в городе Тршебич (Třebíč – в Западной Моравии) на берегах реки Йиглавы.

Впоследствии и в Праге, неподалеку от Вацлавской площади, было выделено и благоустроено помещение (в пассаже Иржи Гроссмана), используемое как мечеть. Неподалеку расположено несколько халяльных ресторанов, специализирующихся на блюдах индо-пакистанской, турецкой и марокканской кухни.

Тем не менее через несколько лет на окраине города была выстроена соборная мечеть. Имамом Центральной мечети Праги является Владимир Санка, чех по национальности, принявший ислам. Его мусульманское имя – Умар¹¹.

Надо отметить, что мусульмане долгое время не могли получить разрешение на строительство мечети, что свидетельствует об опасениях властей вызвать недовольство местных граждан. В других городах были организованы исламские центры, совмещающие ритуальные и просветительские функции.

Позднее стало известно, что в Праге возникло еще несколько молевых помещений. В частности, чешская пресса упоминает «турецкую мечеть» в помещении бывшего боксерского клуба на улице Пивоварница, где имамом является уроженец Турции Садриддин. Характерно, что посетителями «турецкой мечети» являются уроженцы Турции и Узбекистана. Число последних в Чешской Республике постоянно растет. Еще один «исламский центр» функционирует у станции метро «Черный мост». Ретроспективно можно отметить, что мусульманские активисты постоянно сталкиваются с негативным отношением христианских организаций, которые оказывают давление на властные структуры республики (в основном на городское руководство). Мусульманам также препятствуют при аренде помещений для религиозных мероприятий, для школ по изучению Корана и т.д.

Учитывая отсутствие в Чехии полноценных мечетей, гражданам арабских стран, посещающие курортный город Теплицы (Teplice) на северо-западе Чехии, выступили с инициативой собрать средства для строительства мечети в этом городе. Интерес к этому городу связан с его популярностью среди определенных слоев населения арабских стран, предпочитающих приезжать

в Европу на отдых и лечение. Однако власти города из-за протестов населения от этой благотворительной акции отказались.

В 2000-е годы численность иммигрантов из мусульманских стран возросла. Прежде всего, за счет студентов, а также за счет членов семей тех иностранных мусульман, кто уже получил чешское гражданство.

Еще в 1993 г. в Чехии был создан Общий союз мусульманских студентов. Первоначально он был сформирован из национальных землячеств. Впоследствии Союз был переименован в Союз мусульманской молодежи и студентов, куда кроме приехавших из-за рубежа, вошли дети от смешанных браков. Основная деятельность союза направлена на удовлетворение религиозных потребностей студентов-мусульман, а также организацию их быта и досуга; просветительные лекции об исламе, диспуты и собрания по поводу событий в мусульманском мире; организацию выставок, посвященных мусульманской культуре. Союз тесно сотрудничает с аналогичной организацией в Словакии.

Характерно, что люди, чьи родственники связали свои судьбы с мусульманами, заключив браки с приехавшими в Чехию студентами и предпринимателями, создали Общество друзей мусульманской культуры (руководитель – Салим Владимир Волдан). Эта организация позднее была переименована в Исламский союз и стала членом Мировой Исламской Лиги.

Важное событие для мусульман Чехии произошло в 2004 г., когда Министерство культуры зарегистрировало Союз мусульманских сообществ (СМС) как официальную религиозную организацию, имеющую соответствующие права, в том числе право на финансовую поддержку государства. СМС включает в себя несколько общин в разных городах, Союз мусульманской молодежи и студентов, Общество друзей мусульманской культуры, а также Исламский фонд в Праге и Брно. Организация публикует различные материалы о жизни чешских мусульман, стараясь сформировать общественное мнение страны о ценностях ислама, а также оказывает помощь мусульманам, оказавшимся в тяжелой ситуации. Большая работа в этом направлении ведется на интернет-страницах сайтов www.islam.cz и www.mesita.cz.

Союз мусульманских сообществ провозгласил своим девизом «Идентичность + интеграция = идеал». Объясняя свою точку зрения, руководство союза считает, что мусульмане не должны утратить свою культуру, но одновременно должны знакомиться и уважать культуру принимающего общества.

Деятельность Исламского фонда в Брно и Праге включает в себя работу внутри мусульманского сообщества и работу, направленную на ознакомление населения страны с исламом и жизнью чешских мусульман. Внутри сообщества осуществляется традиционная для ислама благотворительность, сбор пожертвований для беженцев, физическая, религиозная и юридическая помощь, в том числе оказание помощи и поддержки мусульманам, попавшим в затруднительное положение, после катастроф.

С этой же целью в пражской мечети устраивают дни открытых дверей, когда желающие могут войти и посмотреть помещение. Некоторые школы устраивают экскурсии для школьников, объясняя им принципы ислама. Посещение мечети для любопытствующих возможно спустя полчаса после молитвы и заканчивается за полчаса до следующей молитвы.

Естественно, что наиболее активно действуют общины крупных городов, прежде всего Праги и Брно. Однако надо отметить, что с ростом популярности курортных здравниц, активно привлекающих иностранных пациентов, в этих городах всё чаще можно встретить приезжих мусульман, в том числе женщин в традиционной исламской одежде.

Ввиду отсутствия достаточного количества мечетей службы регулярно проходят в филиалах Исламского фонда. Исламский фонд относится к числу некоммерческих организаций. Вероятно, его деятельность осуществляется на средства, предоставляемые из-за рубежа. Фонд считает необходимым помогать местным мусульманам в сохранении своей веры, идентичности, осуществлять просветительскую деятельность, прежде всего обучая детей верующих, и распространять правдивую информацию об исламе. В помещении фонда в Праге каждую пятницу проходит совместная молитва, собирающая примерно 200 человек. Кроме того, организуется лекция, которую можно услышать не только на чешском языке, но и в переводе на английский и арабский языки. В фонде есть также библиотека, по субботам функционируют школа для детей (до обеда) и курсы для взрослых. Детей и взрослых знакомят с арабским языком, также объясняют премудрости богословия (фикх).

Фонд организует специальную программу в месяц Рамадан. В частности, в последние дни Рамадана, когда по традиции ночью добавляется 6-я молитва, фонд создает специальные условия для желающих остаться в помещении фонда для ее совершения (и'атикаф). Фонд также оказывает содействие в организации брач-

ной церемонии по нормам ислама, ритуального обрезания мальчиков, а также погребального обряда.

Влияние европейской ксенофобии на отношение к мусульманам в Чехии

Присутствие мусульман в традиционно христианской, а ныне в большой степени атеизированной, стране, каковой является Чехия, внешне выглядит вполне благополучно. Однако с ростом террористических актов в Европе, а также разрушением государственности ряда арабских государств и ростом потока иммигрантов чехи, так же как и другие жители Европы, испытывают опасения за свою жизнь и будущее своих детей. Со своей стороны, руководство страны достаточно осторожно относится к просьбам мусульманского сообщества, учитывая возможное недовольство коренного населения. Так, в общественных школах не разрешены уроки религии, отдельные мусульманские школы с полным образовательным циклом также запрещены. Отсутствует предоставление религиозных услуг в тюрьмах. На наш взгляд, такая позиция руководства страны вызвана, прежде всего, ростом атеистических настроений в стране. Кроме того, ситуация вокруг ислама, обострившаяся после провозглашения ИГИЛ и миграционного кризиса 2015–2016 гг., заставляет власти более внимательно следить за деятельностью мусульманских организаций в стране.

Проблема беженцев, начиная с 2015 г., также способствует возникновению серьезных экономических, политических и социальных проблем, связанных с необходимостью обустроить иммигрантов, способствовать их адаптации и социализации в принимающем обществе. Общественность Чехии обеспокоена тем, что и принимающий социум также должен быть готов к встрече с чужой культурой. Это не всегда и не сразу достигается. На первых порах обычно возникают ксенофобские настроения. Даниель Топилка, автор книги «Ислам в Чехии», пишет, что «мусульмане воспринимаются чешским обществом как однородная и достаточно небезопасная группа, в результате чего чехи испытывают в ее отношении страх». В одной из программ Радио Прага приводится такое объяснение: «Чехи всегда с опаской и отторжением относились к культурам, которых не понимали, а кроме того, наша история такова, что мы часто должны были прилагать много усилий, чтобы сохранить себя как народ. Поэтому мы не принимаем чужие нравы...»¹² Вероятно, в определенной степени именно этим можно

объяснить отказ властей принимать беженцев, прибывших в Европу через Грецию и Италию в 2016–2017 гг.

Тем не менее в связи с занятостью основной части мусульман в мелком и среднем бизнесе чехи достаточно часто контактируют с иммигрантами. Известно, что албанцы в основном заняты в кондитерском производстве, а также в ресторанном бизнесе. Предприятия быстрого питания держат также выходцы из арабских стран. Боснийцы работают торговцами на рынке, кавказцы также торгуют или заняты в охранных службах.

В конце 2016 г. в Чехии вышла книга «Мусульмане в Чехии». Это первое исследование, объемом в 400 страниц, идея создания которого принадлежит социологу Оломоуцкого университета Даниэлю Топилка. Книга издана в издательстве Barrister&Principal (Брно). Ученый начал собирать материалы о чешских мусульманах еще в период, предшествовавший миграционному кризису. Уже тогда он обнаружил, что, несмотря на то что мусульманская община довольно закрыта и определить степень религиозности ее членов достаточно трудно, местное население – чехи и словаки – относятся к ним с недоверием.

Автор отмечает, что отсутствие мечетей с ярко выраженными атрибутами (без минаретов) как бы скрывает присутствие мусульман в стране. То есть мусульманская диаспора (за исключением мусульманских праздников) не выделяется в среде местного населения. Наличие большого количества выходцев из арабских стран, получивших образование в Чехии, делает эту общину более адаптированной и лояльной к чешской культуре. Д. Топилка также отмечает, что часть выходцев из мусульманских стран тяготеет к атеизму и этим не отличается от значительной части местного населения¹³. Он также отмечает, что большинство мусульман страны отличаются высоким уровнем образования, хорошим знанием чешского языка. Многие мусульмане имеют успешный бизнес, благодаря которому образуются новые рабочие места. Чехи отмечают, что состоятельные мусульмане оказывают благотворительную помощь своим соплеменникам, а также участвуют в реализации проектов по благоустройству городов.

Проблема беженцев из мусульманских стран

Чехию не обошла миграционная волна 2015–2016 гг. После развала социалистического лагеря благополучная страна стала

принимать не только иммигрантов из бывшего СССР, но и из других стран. В 2014 г. количество прошений, поданных «беженцами»¹⁴, составило 1155 (для сравнения: в Словакии – 330)¹⁵. В 2015 г. численность иммигрантов в Чехии составила 405 093 человека, т.е. 3,8% от общей численности населения страны (10 543 186 человек). В братской, но ныне независимой Словакии численность иммигрантов составила 177 190 человек, т.е. 3,3% от общей численности населения (5 426 258 человек). Однако в используемом нами источнике нет информации о количестве мусульман в этом потоке. Кроме того, известно, что при регистрации иммигрантов большая часть предпочитала объявлять себя сирийцами, хотя там были представители более 20 стран и разных вероисповеданий.

Надо отметить, что Чехия и Словакия не являются притягательными для иммигрантов. Согласно чешским законам, иммигранту предоставляется 13,29 евро в месяц, оплачивается обучение профессии. В соседней Словакии ситуация не лучше – 40 сантимов/центов в день¹⁶.

По сравнению с другими европейскими странами Чехия, в силу своего географического положения и невысокого экономического уровня, избежала участи наплыва «беженцев»¹⁷. В сентябре 2015 г. в стране были задержаны 50 нелегалов, но власти Чехии вовремя поняли, что их страна не является целью «беженцев». Было решено не препятствовать их передвижению через страну. Более того, полиции было дано распоряжение способствовать «беженцам», с тем чтобы они не задерживались в Чехии на срок более семи дней. Это благоразумное решение избавило чехов от необходимости принимать жесткие меры для выдворения нежелательных иммигрантов. Как стало известно, власти Чехии предоставили большинству тех, кто прибыл в страну из Венгрии, возможность беспрепятственно перебраться в Германию. Об этом 2 сентября 2015 г. заявила официальный представитель чешской полиции Катерина Рендлова¹⁸.

В сентябре 2016 г. страны ЕС заключили соглашение о размещении «беженцев» на основании квот, принятых с учетом населения, территории и финансового благополучия отдельных стран Европы. Уже тогда чешские представители выразили сомнение в разумности подобной меры. В июле 2016 г. стало известно, что Чехия в рамках соглашения между ЕС и Турцией должна принять 80 «сирийских беженцев», находящихся в турецких лагерях для мигрантов. От Верховного комиссариата ООН были получены списки людей, согласившихся поселиться в Чехии. Эта информа-

ция обеспокоила население страны. И хотя было объявлено, что помимо проверки со стороны спецслужб, «беженцев» еще до переезда ждет краткий курс ознакомления с реалиями будущей жизни в Чехии, граждане страны через средства массовой информации выражали нежелание принимать «чужаков», которые были приглашены в Европу Брюсселем. Глава МИД Чехии Л. Заоралек объяснил отказ участвовать в программе по перераспределению мигрантов тем, что система распределения беженцев «не работает» и ситуация с безопасностью изменилась в худшую сторону после последних терактов в Европе¹⁹. Он имел в виду, что иммигранты, даже получившие регистрацию в Чехии (Польше или Венгрии и некоторых других странах), стремятся перебраться в наиболее благополучные в экономическом отношении страны – Германию, Швецию или Великобританию.

Позднее министр внутренних дел М. Хованец заявил в интервью журналу «Právo», что «вплоть до осенних парламентских выборов (2017 г. – *Авт.*) Чешская Республика не примет больше на своей территории ни одного беженца»²⁰. Министр также вновь подверг критике систему квот на распределение мигрантов, принятую Еврокомиссией. Глава МВД заявил, что не допустит появление в стране людей, не прошедших соответствующую проверку спецслужб, которые могут представлять опасность для граждан страны. До принятия этого решения Чехия добровольно согласилась принять у себя 1100 иммигрантов, хотя обязательная квота ЕС составила 1591 человека²¹. Однако на середину апреля 2017 г. республика приняла лишь 12 человек.

Тогда же (апрель 2017 г.) министр внутренних дел М. Хованец заявил, что лучше заплатить ЕС несколько миллионов евро в качестве штрафа²², чем принять 1600 иммигрантов, этнически и конфессионально отличающихся от коренного населения страны. Ранее Вацлав Клаус, экс-президент Чехии, назвал приравнивание массовой миграции к индивидуальной неправильным²³.

Рост антиисламских настроений в Чехии

С началом массовой переброски так называемых «сирийских беженцев» в Европу в Чехии участились антиисламские выступления. В июле 2015 г. в Праге состоялась антиисламская демонстрация. Участники требовали не допустить размещения на территории страны эмигрантов из мусульманских стран Азии и Африки.

Демонстранты несли транспаранты с надписями «Стоп вторжению Исламского государства в Европу» и «Поддержка мусульманской иммиграции – не гуманизм, а предательство родины». Подобная акция прошла также в Брно.

Тогда же стало известно, что против ислама уже было сформировано движение «Блок против ислама» (руководитель Мартин Конвичка). В марте 2016 г. этот «Блок», а также партия «Рассвет» («Usvit») призвали правительство принять закон, запрещающий «политический ислам». Лидер партии «Рассвет» Мирослав Лидинский назвал возможное соглашение между ЕС и Турцией о безвизовом режиме «соглашением с дьяволом», расценив его как «договор о безвизовом режиме с Исламским государством»²⁴.

21 августа 2016 г. полиция пресекла акцию протеста на Староместской площади в центре Праги против приема эмигрантов из мусульманских стран в Чехии. Организатором акции, в которой приняли участие несколько десятков граждан, стал Мартин Конвичка, один из лидеров общественной инициативы «Блок против ислама». Под лозунгом «Не хотим ислам в Чехии», он въехал на верблюде в сопровождении единомышленников на главную площадь Праги. Его соратники были одеты в форму боевиков «Исламского государства» и, стреляя холостыми патронами, выкрикивали лозунг «Аллах акбар». Они даже пытались инсценировать казнь заложника, как это делают игиловцы, но полиция пресекла их действия²⁵.

Мартин Конвичка, руководитель «Блока против ислама», доцент университета города Чешские Будейовице, энтомолог (специалист по насекомым). В его «Блок» входят те, кто выступает против иммигрантов и ислама. Он постоянно подчеркивает, что его движение выступает не только против радикального исламизма, но и ислама как религии. Впоследствии «Блок» был распущен. Однако антиисламские настроения в стране довольно сильны. Так, в январе 2016 г. Facebook удалил из Сети страницу группы «Не хотим ислам в Чешской Республике». Группа насчитывала более 163 тыс. подписчиков²⁶.

Антиисламские акции имели место и в других городах Чехии. В Брно хулиганы неоднократно пытались осквернить мечеть, подбрасывая на ее порог куски свинины. Известен также случай, когда молодая ливанка, ехавшая в трамвае вместе с младшей сестрой (обе родились в Праге), заговорила со своей сестрой по-арабски, за что получила пощечину от одной из пассажирок трамвая. При этом остальные пассажиры трамвая абсолютно не

отреагировали. Естественно, что в арабской общине этот эпизод получил негативный резонанс. В апреле 2014 г. полиция провела облаву в пражской мечети во время молитвы (!). Впоследствии полиция объяснила, что поводом для рейда послужило заявление Л. Лготана, бывшего редактора еврейского веб-портала Shekel.cz, утверждавшего, что в мечети пропагандируются идеи антисемитизма²⁷. В июле 2016 г. в городе Брно исламофобы демонстративно устроили «Рамадан по-чешски» с гуляшом, пивом, модным показом купальников и публичным сожжением Корана.

Среди критиков мусульманского присутствия в Европе обращает на себя внимание фигура чешского бизнесмена и политика Томио Окамуры (японец по отцу), который призывает к жесткому контролю за миграцией и практически полному отказу от выдачи иностранцам постоянных видов на жительство. Так, на выборах в местные органы самоуправления, прошедших в Чехии (7 и 8 октября 2016 г.), противники миграции и исламизации страны получили большинство голосов. Коалиция «Партии прав граждан» (Strana práv občanů – SPO) и движения «Свобода и прямая демократия» (Svoboda a přímá demokracie – SPD) Томио Окамуры получила 32 мандата в региональные органы власти²⁸. Томио Окамура считается одним из самых правых политиков Чехии, требующих скорейших и решительных мер по борьбе с наплывом беженцев из стран Ближнего Востока и Африки. Он также выступает за серьезное ужесточение миграционных законов в стране. Еще в 2011 г. Окамура вместе с Петром Газдиком (Petr Gazdík), депутатом чешского парламента, предложили новый проект Закона о пребывании иностранцев Чехии. За основу был взят Закон об иностранцах в ОАЭ, согласно которому принцип пребывания иностранцев в стране простой: есть работа – живи и работай, нет – возвращайся на свою родину. По его мнению, численность иммигрантов в стране должна напрямую зависеть от потребностей рынка. Надо отметить, что абсолютное большинство граждан Чехии (87%) выступают за введение более жестких правил въезда в страну представителей мусульманских стран. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного 13–14 января 2011 г. социологическим центром «Медиан» для Чешского радио²⁹.

Естественно, что мусульмане (в том числе иммигранты), живущие в Чехии, обеспокоены ростом ксенофобских настроений. По инициативе центра *Al Firdaus*, 10 августа 2016 г. около 200 чешских мусульман приняли участие в католическом богослужении в церкви Святого Сердца Господня на Виноградах. Мусульмане

возложили к стенам церкви цветы и зажгли свечи в память о жертвах недавних террористических атак в европейских городах. На демонстрации, состоявшейся на площади Jiřího z Poděbrad, также были зачитаны послания Мусульманской общины Праги, Общественного объединения мусульманских студентов и молодежи ЧР и самого центра Al Firdaus. После этого на площади перед зданием церкви состоялся митинг, осуждающий терроризм в Европе.

Надо отметить, что ядром чешской мусульманской общины являются выпускники вузов, т.е. люди, сформировавшиеся в этой стране. Именно они создают общий климат в мусульманском сообществе, воспитывают лояльность и уважение к стране, которая стала их второй родиной. Однако чехи опасаются, что увеличение численности иммигрантов мусульманского вероисповедания из разных стран, прибывающих как трудовые мигранты или беженцы, может изменить характер общины и снизить уровень общественного согласия в стране.

В разгар миграционного кризиса в 2015 г. министры внутренних дел ЕС установили квоты по размещению мигрантов во всех странах Евросоюза. Возникает удивление по поводу того, что этот вопрос не обсуждался заранее. Совершенно очевидно, что тогда многие страны были бы не согласны с приемом на своей территории людей другой культуры. Предусмотренные квоты для стран Восточной Европы были относительно небольшими – 7 тыс. человек для Польши, 1,6 тыс. для Чехии и 1,3 тыс. для Венгрии. Естественно, что представители этих государств проголосовали против принятия беженцев. Однако решение было принято большинством голосов.

Приняв всего шесть человек, правительство Чехии заявило, что категорически отказывается от дальнейшего приема беженцев. По мнению чешского МВД, беженцы представляют значительную угрозу для внутренней безопасности Чехии, о чем свидетельствуют трудности, с которыми столкнулись другие европейские страны, и прежде всего громкие теракты в городах Западной Европы. Кроме того, чешские эксперты обратили внимание на то, что беженцы не желают оставаться в странах Восточной Европы, и стремятся перебраться в Германию, Швецию и другие страны, где есть высокие пособия. При этом президент Чехии Милош Земан отметил, что, в отличие от ближневосточных мигрантов, уже живущие в стране украинцы и вьетнамцы довольно легко интегрировались в чешское общество. Но население страны негативно относится к мусульманам, которые ассоциируются с терроризмом и насилием.

Надо отметить, что, учитывая этот фактор, еще в 1990-е годы, в разгар югославских войн, Чехия сделала все, чтобы не пустить в страну косовских албанцев³⁰.

Чехия является членом так называемой «Вышеградской четверки»³¹, члены которой считают, что политика Евросоюза в отношении новых членов ЕС ведет к утрате национальной идентичности. В контексте конфликта между Чехией и Евросоюзом чешские мусульмане поддерживали правительство страны, ибо считают, что среди «новых мусульман» могут быть и бывшие террористы, присутствие которых на чешской земле может разрушить межнациональное согласие, создававшееся многие годы.

¹ Независимая газета. 19.09.2012.

² Náboženská víra obyvatel podle výsledků sčítání lidu. Český statistický úřad (17.02.2014).

³ Независимая газета. 19.09.2012.

⁴ Лучше украинец, чем мусульманин (Radio Praha, Чехия). 11.02.2015 // inform-buro.dn.ua/cgi-bin/iburo/start.cgi?info58=0097

⁵ Независимая газета. 19.09.2012. Согласно проведенной переписи, 3348 человек назвали себя мусульманами.

⁶ Прага в период VIII–X вв. была центром работоторговли в Европе.

⁷ Россия и мусульманский мир. 2015. № 1. С. 43.

⁸ В июне-октябре 1945 г. из Судетской области были депортированы более 2,5 млн человек. До войны граждане немецкого происхождения составляли в этом районе более 80%. В Декрете от 02.08.1945 г., подписанном Э. Бенешем, было сказано: «Граждане Чехословакии немецкой или венгерской национальности, которые [ранее] получили по распоряжению оккупационных властей немецкое или венгерское гражданство, в день получения такого гражданства утратили право на гражданство Чехословакии». См.: Чехи и немцы: история непростого соседства // www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/chexi-i-nemcy-istoriya-neprostopo-sosedstva

⁹ Чехия входит в число стран с минимальным уровнем детской смертности, который составляет менее 4 человек/1000 новорожденных // ru: <http://fb.ru/article/146071/naselenie-chehiikratkiy-obzor#image> <http://fb.ru/crypt/Ly9mYi5ydS9taXNjL2kvZ2FsbGVyeS8xOTc3MS80NDEINTIuanBn>

¹⁰ Радио Прага. 08.10.2015 // www.radio.cz/ru/rubrika/pismo/o-pruzhinnike-musulmanax-vchexii-i-propavshem-cheshskom--1

¹¹ Рамазан в Праге. 06.07.2016 // www.muslim-info.com/ramazan-v-prage.html

¹² Мусульмане в Чехии // living-in-praha.livejournal.com/91095.html

¹³ Мусульмане Чехии – впервые под прицелом // Радио Прага. 30.01.2017 // www.czech.cz/ru/Arbeit-Leben/

- ¹⁴ Согласно международному праву, беженцами называют людей, перебравшихся через одну границу в силу определенных обстоятельств. Все остальные, пересекающие несколько границ, квалифицируются как мигранты.
- ¹⁵ Дюк-Кван Нгуэн (Duc-Quang Nguyen) и Штефания Зуммерматтер (Stefania Summermatter) Миграция и беженцы в Европе: цифры и факты // www.swissinfo.ch/rus/politics/41557352
- ¹⁶ Список стран по численности международных мигрантов (иммигрантов), по оценкам Организации Объединенных Наций, опубликованный в сборнике «Тенденции международной миграции: ревизия за 2015 год» (Trends in International Migrant Stock: The 2015 Revision) и отчете о международной миграции 2015 года (International migration report 2015: Highlights).
- ¹⁷ Автор использует слово «беженцы» в кавычках, так как, согласно международному праву, беженцами называются люди, перешедшие одну границу. Евросоюз использовал термин «сирийские беженцы», чтобы европейское население прониклось сочувствием к мигрантам. На самом деле в этом беженском потоке были люди из 28 стран, неоднократно перешедшие границы других государств.
- ¹⁸ Чехия открыла беженцам свободный доступ в Германию // rusvesna.su/news/1441308831
- ¹⁹ Чехия и Польша отказалась принимать беженцев по согласованному в Евросоюзе квотам. Русская линия. Сводка новостей от 6.06.2017.
- ²⁰ Глава МВД Чехии: до парламентских выборов Чехия не примет ни одного беженца. Радио Прага // radio.cz/ru/rubrika/novosti/glava-mvd-do-parlamentskix-vyborov-chexiya-ne-primet-niodnogo-bezhenca. В сентябре должен завершиться проект ЕС, согласно которому для стран-членов установлены квоты на прием мигрантов, изначально прибывших в Италию и Грецию.
- ²¹ Радио Прага // radio.cz/ru/rubrika/novosti/glava-mvd-do-parlamentskix-vyborov-chexiya-neprimetni-odnogo-bezhenca
- ²² В соответствии с проектом пересмотра положений Дублинского соглашения о предоставлении мигрантам убежища в странах ЕС, за каждого непринятого беженца предусмотрен штраф в размере 250 тыс. евро.
- ²³ Parlamentni listy. 16.04.2017.
- ²⁴ В Чехии требуют запретить «политический ислам» // islamreview.ru/news/v-cehii-trebutzapretislamizm (23.03.2016).
- ²⁵ В Праге пресечена акция протеста против размещения беженцев-мусульман в Чехии. NEWSLAND. 21.08.2016 // newsland.com/user/4296648078/content/v-prage-presechena-aktsiiaprotesta-protiv-razmeshcheniia-bezhentsev-musulman-v-chekhii-podrobnее/5405393
- ²⁶ Manifestace proti islamu // islamreview.ru/news/facebook-udalil-gruppu-ne-hotim-islam-vcesskojrespublike (12.01.2016).
- ²⁷ Лидеры мусульман Чехии шокированы рейдом в мечеть Праги // crimea-news.org/russianews/1555-lideri_musulman_chehii_shokirovani_rejdom_v_mechet_pragi.html# (25.04.2014).
- ²⁸ «Гроза мигрантов» Томио Окамура преуспел на выборах в Чехии // vary-info.ru/news/181-groza-migrantov-tomio-okamura-preuspel-na-vyborah-v-chehii.html (10.10.2016).

- ²⁹ Исследование проводилось вскоре после терактов во Франции // www.sedmitza.ru/text/5348177.html
- ³⁰ Добров Д. Евросоюз хочет наказать страны «Вышеградской четверки» // inosmi.ru/politic/20170619/239614770.html (19.06.2017).
- ³¹ «Вышеградская четвёрка» – объединение Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, возникшее после встречи глав государств 15.02.1991 г. в венгерском городе Вышеград, где была подписана декларация об интеграции в структуры ЕС.

*«Труды Института востоковедения РАН, Вып. 4:
Экономические, социально-политические, этно-
конфессиональные проблемы афро-азиатских стран»,
М.: ИВ РАН, 2017 г., с. 326–339.*

Шарипов У.З.,

доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН

**ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЗАПАДА
В ОБОСТРЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ**

Ключевые слова: Ближний и Средний Восток, конфликт, суннизм, шиизм, Запад.

Ближний и Средний Восток – весьма неблагоприятный в политическом и военном отношениях регион современного мира. В последние годы среди главных факторов международной напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, где проживает большая часть общемирового мусульманского населения, наступило резкое обострение суннитско-шиитских отношений. В ряде стран Ближнего Востока даже ведутся военные действия между просуннитскими, с одной стороны, и прошиитскими – с другой, вооруженными формированиями. Наблюдается вмешательство в эти конфликты как соседних стран, так и внерегиональных держав.

Сложившаяся общая трагическая ситуация на Ближнем и Среднем Востоке только в первые десятилетия XXI в. имела крупномасштабные негативные последствия для многих мусульманских народов. Это – массовая гибель местного населения, исчисляемая многими сотнями тысяч человек, миллионы беженцев, разрушение городов и деревень, сокращение народно-хозяйствен-

ной деятельности и использования трудовых ресурсов, обнищание, а также другие лишения.

По многочисленным оценкам, на начало 2016 г. численность мусульманского населения на Земном шаре составляла 1,76 млрд человек: 85% – сунниты, 15% – шииты. На Ближнем и Среднем Востоке мусульман – более 500 млн, из них суннитов – 400 млн (75%) и более 100 млн шиитов (вместе с алавитами и др. 25%)¹, т.е. суннитов по численности в 4 раза больше. Арабские страны по преимуществу являются суннитскими, в Иране и Азербайджане государственная религия – ислам шиитского толка. В то же время в ряде арабских стран: Бахрейне, Ираке, Ливане и других – среди мусульманской части населения преобладают шииты. В Йемене, Кувейте, Турции, Сирии, а также в Саудовской Аравии и других аравийских монархиях шииты составляют меньшинство – от 10 до 40% населения. Среди стран, где у шиитов конфессиональное большинство, только в Иране им полностью принадлежит государственная власть. В Азербайджане и Ираке шииты также обладают большинством в руководящих государственных органах. В Бахрейне же правит суннитская династия.

1. Эгоизм руководителей арабских стран с форсмажорными доходами от углеводородов и господство узкогосударственного мышления на Ближнем и Среднем Востоке – причина стратегической отсталости арабского сообщества и поражений в геополитических международных отношениях.

Как известно, XX в. был периодом крушения мировой колониальной системы, политического становления суверенитета народов и поиска ими путей развития в рамках новых национальных государств. Однако в области экономики регион Ближнего и Среднего Востока не смог полностью использовать весь потенциал своих природных ресурсов и возможностей, что и определило его место в мировом сообществе.

Ближний и Средний Восток – обладатель грандиозных запасов углеводородного сырья, востребованного современной мировой экономикой. Благодаря обширному экспорту нефти и газопродуктов в остальные регионы земного шара, не обладающие этими стратегическими товарами, богатые углеводородами страны в течение нескольких десятилетий получали грандиозные доходы в свои бюджеты. Казалось бы, историческая судьба предоставила

¹ Население арабского мира. Википедия. URL: // https://ru.wikipedia.org/wiki/Арабский_мир

возможность когда-то отсталому, но со значительным населением и наличием достаточного числа крупных и средних городов, а также сельскохозяйственных угодий Ближнему Востоку, пребывавшему долгое время в колониальной зависимости от западных держав, ускоренными темпами развиваться, обгоняя остальной мир.

Однако произошло обратное. Углеводородное богатство и колоссальные доходы региона использовались только для обогащения местных господствующих слоев и части населения ограниченного круга арабских стран. Остальные же арабские государства, а их было большинство, причем с более многочисленным населением, были вынуждены обходиться собственными ограниченными ресурсами. В итоге арабский ареал с населением около 400 млн человек сильно отстал технологически, по объемам ВВП и жизненным условиям существования местного населения – от других регионов мира, особенно от семерки промышленно развитых держав Северной Америки, Западной Европы и Дальнего Востока.

По существу сегодняшний арабский мир остался без стратегически важных индустриальных и военных отраслей промышленности, ракетной техники, космической отрасли и др.

В условиях современных международных отношений, характеризующихся нарастанием острых межнациональных и межрегиональных противоречий, данное обстоятельство сделало арабский мир весьма уязвимым для внешних экспансий, а также политического и экономического диктата извне. Оно же весьма интенсивно стало использоваться внешними государственными образованиями, их спецслужбами, политическими и экономическими структурами. Региону Ближнего и Среднего Востока, кроме ИРИ и Республики Турция, фактически стало всё труднее противостоять нараставшей экспансии внешних сил.

2. Что первично: конфессиональные или политические причины обострения межгосударственных и внутриобщественных кризисов в регионе? Активное внешнее политическое и силовое вмешательство – главный определяющий фактор современной трагической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

Если рассматривать ближневосточную проблематику только в конфессиональном аспекте, то она и в историческом, и в современном плане представляется следующим образом: принципиально главное идеологическое и политическое противоречие среди последователей ислама вспыхнуло после смерти Пророка Мухаммеда – вопрос: «Кто должен наследовать верховную власть

в мусульманском обществе и каковы главные ориентиры этой веры?» Как известно, одна группа мусульман посчитала, что необходимо действовать по Сунне, которая являлась сводом правил и устоев, основанных на словах и поступках Пророка Мухаммеда, и в основном олицетворяла мусульманские традиции арабов. Поэтому нового главу мусульман, т.е. халифа, должен был выбирать Верховный совет старейшин. Данное направление последователей ислама получило наименование «суннизм».

Но уже при правлении первых так называемых праведных халифов фактически начало действовать и другое идеологическое течение, которое провозгласило, что верховная мусульманская власть должна наследоваться только по родственному принципу от Пророка Мухаммеда, т.е. по линии его дочери Фатимы и ее мужа Али ибн Абу-Талиба, двоюродного брата Мухаммеда. Таким образом, сформировалось новое исламское направление – шиизм (т.е. shia't 'Alī – партия Али): Али и его потомков называли имамами и считали единственными законными руководителями мусульман.

В дальнейшем внутриисламское конфессиональное разделение между указанными течениями закрепилось преимущественно по этносам – арабы, персы, турки и т.д.

Как оно исторически развивалось и какую роль играло в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке?

Межгосударственное противоборство под знаменами этих конфессий, например в Средневековье – между суннитской Османской империей и шиитской Персией, показало, что главными ориентирами конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке выступали национальные и династийные интересы.

Конечно, на протяжении веков предпринимались попытки как-то идеологически нейтрализовать расхождения между постулатами главных течений (либо ветвей) ислама, но все они заканчивались безрезультатно. Вместе с тем, в отличие от внутрихристианских острых противоречий и войн Европы, они по преимуществу имели более толерантные взаимоотношения.

XX век был периодом политического становления суверенитета многих народов Ближнего и Среднего Востока. Поэтому ситуацию региона в целом и по странам как в XX в., так и в первые десятилетия XXI столетия целесообразно рассматривать одновременно в политическом и конфессиональном аспектах.

Вплоть до 1980-х годов сунниты и шииты мирно сосуществовали под сенью новых местных государственных конституций

и других законодательств. Возникавшие случаи противоборства на религиозной основе были либо незначительными, либо маломасштабными и сравнительно быстро нейтрализовались правительствами. Очаги напряженности почти всегда возникали в социально-униженных и неграмотных слоях.

При существовании шахского режима Мохаммеда Реза Пехлеви в Иране страны Аравийского полуострова с преобладающим суннитским населением, большинство которых обладали интенсивно растущими нефтедолларовыми доходами, предпочитали спокойно удовлетворяться терпимыми межгосударственными отношениями с этим шиитским государством. Вместе с тем в мусульманском сообществе Ближнего и Среднего Востока существовало определенное подозрительное отношение к империалистическим державам, и прежде всего к США, из-за их поддержки возникшего в Палестине Государства Израиль. В таких условиях проблема шиитско-суннитских противоречий на Ближнем и Среднем Востоке слабо проявлялась. Так, Тегеран в 1970-е годы направлял войска в Оман против партизанского движения Дарфура, чтобы спасти местную суннитскую монархическую власть, а также на подавление шиитских азербайджанских и курдских повстанцев в собственной стране. При этом и Иран, и Саудовская Аравия весьма сдержанно подходили к так называемому арабо-израильскому конфликту. Даже Каир постепенно, после заключенного 26 марта 1979 г. Египетско-израильского договора о мире на основе предварительного Кэмп-Дэвидского соглашения, ослабил свое открыто враждебное отношение к Тель-Авиву. В то же время на том же Ближнем и Среднем Востоке весьма остро против Израиля выступали республиканские режимы Ирака, Сирии, Ливии. А это было уже противостояние с могущественной державой – США.

В 1979 г. в Иране произошла Исламская революция, которая особенно ярко выразила новые социальные настроения простого народа Ближнего и Среднего Востока – недовольство нарастанием проникновения Запада в экономическую и политическую жизнь стран региона. Образование ИРИ обозначило начало формирования нового переломного этапа в политической жизни Ближнего и Среднего Востока. Иран национализировал многие иностранные компании и разорвал неравноправные контракты. Лидер ИРИ аятолла Р. Хомейни призвал распространить Исламскую революцию по всему мусульманскому миру, объединив под ее флагом и суннитов, и шиитов (осуществил захват американского посольства как шпионского гнезда на Ближнем и Среднем Востоке).

В Вашингтоне увидели в новом радикальном мусульманском государственном образовании – Исламской Республике Иран – главную угрозу своим стратегическим интересам на Ближнем и Среднем Востоке. Именно с этого момента империалистическими силами стала нагнетаться обостренная политическая и связанная с нею конфессиональная ситуация в регионе.

Как известно, образование ИРИ одновременно стало знаменем для мирового шиизма за восстановление равных прав шиитов в мусульманском мире. Но это ставило на повестку дня социальное перераспределение в конфессиональной и политической структурах целого ряда арабских государств, в которых проживало в то же время шиитское население (как большинство, так и меньшинство).

Правящие круги этих стран не могли согласиться с таким развитием событий, видя в этом посприятие существующего статус-кво как для себя, так и в регионе в целом. Так, опасность для себя увидели соседний баасистский Ирак и аравийские монархические режимы Персидского залива и начали предпринимать усилия, препятствующие развитию прошиитского процесса.

Свою выгоду в этом усмотрел и империализм. Осуществив вместе с западными державами ряд крупных антииранских акций в финансовой, экономической и политической областях, США, учитывая обновленную социально-политическую и международную ситуацию в этом регионе, одновременно в качестве идеологического оружия против ИРИ в рамках региона Ближнего и Среднего Востока стали использовать и усилившийся фактор шиитско-суннитских противоречий.

Сначала был задействован план в связи с усилившимся ирано-иракским противоборством на почве так называемого социально-государственного статуса шиитов в Ираке, президент-суннит Саддам Хусейн, как говорится, «созрел». Он не без поощрений и обещаний со стороны американских дипломатов и руководства Саудовской Аравии и Кувейта бросил свои Вооруженные силы на ИРИ, полагая, что бывшая могучей в прошлом шахская армия развалилась и ее остатки не выдержат ударов иракских войск.

В период вспыхнувшей войны в качестве мобилизующего фактора симпатий на стороне Ирака были задействованы панарабизм, а также закулисно суннизм. Учитывая то, что аравийские монархии весьма опасались идеологически радикальной и религиозно-социально ориентированной на низшие общественные слои внешней политики ИРИ, а также ее потенциала как крупного госу-

дарства региона, они стали финансово, вооружением и другими средствами помогать Багдаду в Ирано-иракской войне (всего на сумму не менее 100 млрд долл. США, из них только на кредиты приходилось 60–70 млрд долл.). США, в свою очередь, стали внедрять свое масштабное военное присутствие в регионе Персидского залива, направляя туда авианосные эскадры на постоянное барражирование и всемерно поддерживая и вооружая образованный в 1982 г. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и развертывая военные базы на территории прибрежных аравийских государств.

Таким образом, Вашингтон активно включился в свою провокационную роль в Ирано-иракской войне. Ее печальные итоги общеизвестны, а США в политических и военных отношениях серьезно закрепились в регионе Персидского залива. Следует иметь в виду, что антиамериканские режимы в Сирии и Ливийской Джамахирии, вопреки культивируемому в регионе панарабизму, встали на сторону Тегерана. Они считали, что иранский антиамериканизм – это ныне главное полезное явление для сохранения суверенитета мусульманского мира, чтобы вытеснить США из региона Ближнего и Среднего Востока и способствовать ликвидации проамериканских аравийских монархий.

В следующие 1990-е годы, воспользовавшись вторжением армии обложенного внешними долгами и внутренними проблемами Саддама Хусейна в богатейший Кувейт, администрация США в лице президента Дж. Буша-старшего кардинально поменяла политику в отношении Ирака, на этот раз направив ее против багдадского режима: совместно с англичанами предприняли операцию «Буря в пустыне» и установили свой военный контроль почти над двумя третями иракской территории (на юге и севере этой страны). Таким образом, они фактически обозначили предпосылки для раздела Ирака на три части. Кроме того, на эту страну были наложены жесткие международные «штрафные санкции», которые расширялись фактически чуть ли не ежегодно. На данном этапе, когда американцам в Ираке противостояли и сунниты, и шииты, они посчитали целесообразным пока сохранить весьма ослабленного С. Хусейна у власти. Но в целом Багдад по своему политическому и экономическому потенциалу фактически уже был выведен из числа серьезных противников Израиля и Саудовской Аравии. Одновременно соседнюю Исламскую Республику Иран Вашингтон также держал под прессом жестких международных санкций. Западом политическая инициатива среди мусульманских стран

региона была «вручена» монархическим суннитским режимам Аравийского полуострова во главе с Саудовской Аравией и Катаром. США в политических и военных отношениях стали гарантом защиты указанных монархий от внешних угроз, а также партнерами ССАГПЗ. С наступлением нового столетия экспансия Запада на Ближний и Средний Восток при опоре на суннитские монархии получила дальнейшее развитие. Как известно, в начале 2002 г. правительство США провозгласило новую внешнеполитическую концепцию, в соответствии с которой Соединенные Штаты наделяли себя правом свергать любое правительство, политика которого, по мнению Вашингтона, угрожала национальной безопасности США. В данной связи помощник президента США по национальной безопасности К. Райс открыто заявила: «Теперь Вашингтону не требуется даже предлога о нарушении прав человека в той или иной стране, чтобы совершить против нее агрессию или иным путем добиваться смены неугодного для него политического режима»¹. Этот принцип внешнеполитического курса США, в частности, был достаточно точно оценен российским политологом, вице-президентом Академии геополитических проблем, президентом Клуба министров обороны СНГ, генерал-полковником Л.Г. Ивашовым в его выступлениях и публикациях: «Таким образом, США (полностью игнорируя принцип Устава ООН (ст. 2, п. 7), запрещающий вмешательство во внутренние дела суверенных государств) присвоили себе право назначать на мировой арене интервенции без всяких пределов и ограничений, руководствуясь только собственными “национальными интересами”»².

Для осуществления своих агрессивных акций, нарушающих международное право и суверенитет «неугодных» государств, стали изыскиваться и использоваться любые подходящие предлоги. Террористический акт, произошедший 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, был в срочном порядке использован Вашингтоном для этого, т.е. его ответная акция состоялась в больших масштабах, чем требовали объективные обстоятельства. Так называемому «возмездию» первым подвергся Афганистан – менее чем через месяц, в октябре 2001 г., без санкции ООН он был оккупирован войсками

¹ Идеология и политика. ООН и мировая политика, 1945–2005. ООН сквозь призму кувейтского кризиса и агрессии США против Ирака. URL: www.barichtv.ru/public/oon7.htm

² Ивашов Л.Г. Исторические процессы и судьбы мира и России // Родная Ладога. – 2016. – № 2. – С. 108–136.

США и Великобритании, а весной 2003 г. американо-английские Вооруженные силы, также до принятия соответствующей резолюции СБ ООН, совершили агрессию уже против саддамовского режима Ирака с целью окончательно его сокрушить. В Багдаде была провозглашена власть нового коалиционного правительства, сформированного преимущественно шиитами и курдами, а сунниты, выступавшие главной опорой прежнего режима, были отеснены на второстепенные роли в государственном управлении Ираком.

Акты оккупации двух суверенных государств продемонстрировали безнаказанность агрессивных действий англосаксонского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. В данном случае ими на «повестку дня» одновременно стала выводиться многоходовая партия по обострению суннитско-шиитских отношений в рамках Ближнего и Среднего Востока в связи с расширением влияния Исламской Республики Иран на политическую ситуацию в регионе. При этом учитывалось то, что на рубеже первого-второго десятилетий XXI в. недовольство арабской общественности бессилием правящих кругов своих стран перед глубоким и многосторонним внедрением Запада в политическую, экономическую и военную жизнь Ближнего и Среднего Востока, казалось, могло дойти до уровня «срочного вызова на арену подобия средневекового Саладдина» для освобождения мусульманских территорий от современных «крестоносцев». Поэтому, когда в начале 2010-х годов по Ближнему и Среднему Востоку прошли волны демонстраций и путчей так называемой «арабской весны», охватившей Тунис, Египет, Сирию, Ливию, Йемен и др., все СМИ Запада утверждали, что это новый виток обострения политического и социального кризиса на Ближнем и Среднем Востоке, который способствует расширению позиций шиизма в регионе. А это, в свою очередь, угрожает не только сложившемуся статус-кво местных государств, но и стратегическим углеводородным интересам международных корпораций, да и всего мирового сообщества.

В данной связи целесообразно не сбрасывать со счетов то, что Вашингтон и НАТО стали активно ставить в своей международной геополитике и оперативно решать новые сложные и многоярусные задачи. В этом отношении у американских спецслужб на вооружении уже имелись весьма мощные компьютерные системы, обслуживаемые квалифицированными специалистами, которые оперативно рассчитывали громадное число вариантов развития ситуации: в связи с каждым регионом, страной, правительством, политической ситуацией, с любой группой, отдельной

личностью и т.д. И информация по каждому элементу постоянно корректировалась, чтобы принимать нужные для всех правительственных служб США оптимальные варианты решения различных проблем в регионе Ближнего и Среднего Востока.

В монографии «Американская концепция “Большого Ближнего Востока” и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке», изданной в 2014 г., было отмечено: «С начала второго десятилетия XXI в. Запад расширил границы своего воинствующего “сафари”: активно на “полях” Ливии, Сирии, частично в Египте, Йемене, а также угрожал вторгнуться в Иран и, в случае возникновения нежелательных перемен, на применение санкций против Саудовской Аравии и других арабских стран. При этом “западные охотники” не думали забывать и прежде освоенные ими “охотничьи угодья” – Афганистан и Ирак, в которых “фауна” из “душманов” и часто подпадавших под горячую руку “щепок” (в виде “случайных” жертв из мирного населения) уже были частично истреблены либо покалечены. Однако еще и здесь представлялось необходимым продолжать наблюдения, чтобы не развился неподконтрольный Западу процесс воспроизводства антизападного национально-го потенциала и формирования таких управленческих структур, которые могли бы потребовать от указанных внешних “охотников” убраться с территорий этих государств»¹.

Таким образом, фактически Запад вернул Ближний и Средний Восток в политическом и экономическом отношении с этапа «неоколониализма XX в.» к «вооруженному колониализму периода XVIII – первой половины XX в.», т.е. подверг регион военной оккупации под надзором десятков своих вооруженных сухопутных баз, размещенных в стратегически важных местах региона, и флотилий ВМС в акватории Средиземного, Красного и Аравийского морей, а также в Персидском заливе. В качестве наглядного примера циничной решимости США и держав Западной Европы прибегать к крайним мерам при проведении своей экспансионистской политики на Ближнем и Среднем Востоке можно привести открытую военную расправу НАТО с Ливийской Джамахирией в 2011 г. Данная акция подвела итог практической ликвидации цепи основных политических противников Израиля, Вашингтона и НАТО в лице Ливии, Ирака, Афганистана, Сирии и Ирана, которая существовала не одно десятилетие и с которой США противо-

¹ Шарипов У.З. «Американская концепция “Большого Ближнего Востока” и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке». – М., 2014. – 345 с.

борствовали весь указанный срок. Далее, когда Сирия «погрязла» во внутренней гражданской войне, причем с конфессиональным оттенком, на Ближнем и Среднем Востоке только ИРИ сохранила способность противостоять экспансии Запада.

Именно на данном историческом этапе в ближневосточной политике Запада настала очередь создать общерегиональный кризис в рамках мусульманских народов. При этом важная роль была отведена конфессиональному фактору. Учитывалось то, что рост влияния шиизма на Ближнем и Среднем Востоке при содействии Тегерана вызвал соответствующую «контригру» Саудовской Аравии, аравийских монархий, Египта и ряда других суннитских государств региона по развитию совместного антишиитского противоборства.

Таким образом, были созданы условия для организации фронтального столкновения крупных местных вооруженных образований, а также целых государств, выступающих под знаменами суннизма, с одной стороны, и шиизма – с другой. Данное обстоятельство еще более расширило возможности для проколониального вмешательства мировых держав в жизнь Ближнего и Среднего Востока. Важнейшими аренами таких политических вооруженных столкновений, которые часто называют конфессиональными внутри-мусульманскими, стали территории Сирии, Ирака, Йемена и Ливии.

В заключение можно констатировать, что международные стратегические противоречия и коллизии, связанные с регионом Ближнего и Среднего Востока, исторически определялись политическими интересами правящих кругов как местных государств, так и внешних держав. Однако ныне в качестве важного стимулятора внутри- и межгосударственных конфликтов был задействован мусульманский конфессиональный фактор, он стал играть центральную роль в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, в ряде арабских стран, где ведутся военные действия между просуннитскими, с одной стороны, и прошиитскими – с другой, вооруженными формированиями, наблюдается активное вооруженное участие в этих конфликтах внерегиональных держав.

«Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2016 г.: ФГБОУ ВО МГЛУ», М., 2017 г., с. 12–24.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Добаев И.П.,

доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
Южный федеральный университет (ЮФУ)

Гаджибеков Р.Г.,

кандидат политических наук,
эксперт Центра региональных исследований
(ЮФУ), г. Ростов-на-Дону

**«ШАХИДИЗМ»: РАЗНОВИДНОСТЬ ТЕРРОРИЗМА,
ПРИКРЫВАЮЩЕГОСЯ ИСЛАМОМ***

Аннотация. В статье рассматривается понятие «шахидизм», его трактовка в раннем исламе, а также трансформация его содержания в идеологических доктринах современного радикального исламизма. Доказывается, что наработки идеологов исламизма противоречат положениям исламской ортодоксии. Поэтому радикалистский «шахидизм» можно расценивать как терроризм, прикрывающийся исламским вероучением.

Ключевые слова: исламизм, радикализм, терроризм, «шахидизм», экстремизм.

На общем фоне эскалации террористического насилия, начавшегося во второй половине XX в., продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников, которые исламистами ошибочно именуются «шахидами». Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в исламе шахидом признается воин, муджахид (букв. – участвующий в джихаде), погибший во

* Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07 / 2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

время сражения «на пути Аллаха», даже если он был убит не на поле боя, а умер случайно или непреднамеренно от собственной же руки. Этот тип мученика называется «совершенным шахидом», поскольку он признается мучеником как в этом мире, так и в жизни последующей, после смерти, где получит заслуженную награду от Бога¹.

В мусульманской религиозно-политической культуре термином «шахид» обозначают мусульманина, пожертвовавшего собой за веру, принявшего мученическую смерть. Помимо этого, к шахидам относятся все умершие насильственной смертью, в числе которых убитые человеком, животным, погибшие во время стихийных бедствий, эпидемий, утонувшие, отравленные, скончавшиеся во время хаджа и т.д.² Но эта интерпретация термина «шахид» является расширительной, что ослабляет религиозный смысл, первоначально заложенный в его содержание. Однако исламская ортодоксия категорически отрицает тождество между «шахидами» и террористами-самоубийцами.

Согласно исламской традиционной доктрине, мусульманин, осуществивший осознанное самоубийство, не может считаться шахидом. Самоубийство, повлекшее за собой гибель мирных людей, является тяжким грехом, которого Бог никогда не прощает. Однако религиозные деятели – носители экстремистской идеологии, использующие ислам в политических целях, пытаются оправдать и обосновать суицид, как необходимое средство борьбы против врага, посягнувшего на «дар аль-ислам», представляя его именно как «шахидизм», а погибших в ходе его осуществления террористов – «шахидами».

Самоубийство, а следовательно, террористы-самоубийцы, уносящие за собой жизни тысяч невинных людей, в корне противоречит моральным принципам ислама: «Кто убил душу не за душу или за порчу, тот как бы убил людей всех. А кто оживил ее, тот будто бы оживил людей всех» (Сура «Трапеза», 5:32). В исламе не допускается насилие, выходящее за рамки равного возмездия. Так, в Коране утверждается: «И предписали Мы им в ней, что душа – за душу, и око – за око, и нос – за нос, и ухо – за ухо, и зуб – за зуб, и раны – отмщение. А кто пожертвует это милостыней, то это – искупление за него» (Сура «Трапеза», 5:43). Таким образом,

¹ Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / Сост. Э. Чапан. – М., 2005. – С. 144.

² Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 296.

хотя в Коране допускается принцип возмездия за убийство, тем не менее он строго ограничен рамками недопущения чрезмерного насилия.

Акции псевдошахидизма активно применялись в Средние века, в частности, адептами одной из подсект исмаилитов – низаритами (хашишины, ассасины). Несмотря на то что терроризм смертников отмечался и в прежние времена, тем не менее расцвет этого явления пришелся на вторую половину XX – начало XXI в.

Как утверждает отечественный исследователь данного явления С.И. Чудинов, терроризм смертников ведет свои истоки от шиитской версии радикального ислама, пустившего свои корни в разорванном гражданской войной и иностранной оккупацией Ливане. Большинство экстремистских движений, воспринявших и адаптировавших тактику атак смертников к условиям социально-политического конфликта на своей родине в 1990-е годы, копировали ливанскую модель сопротивления, с которой они имели возможность познакомиться самым непосредственным образом (боевые кадры этих группировок проходили военную тренировку в Ливане в то время, когда радикальные шиитские партии впервые апробировали атаки смертников). Ливанская модель, в свою очередь, была подражанием опыту иранских басиджей времен современной Ирано-иракской войны, вспыхнувшей вслед за исламской революцией 1979 г. в Иране¹.

В 80-х годах «шахидизм» стал связываться, в основном, с деятельностью шиитов, поскольку его проявления стали фиксироваться практически сразу после победы «исламской революции» в Иране. Так, во время войны с Ираком иранских подростков посылали на минные поля противника – чем больше мучеников, тем выше моральный дух армии.

С начала 90-х годов в качестве «живых бомб» предстали члены проиранских палестинских и ливанских группировок – «Джихад Ислами», ХАМАС и «Хезболлах». На роль камикадзе арабские террористические организации привлекали молодых людей, часто девушек, тех, кого спецслужбы менее всего склонны подозревать в преступных намерениях². Возраст террористов-самоубийц колебался от 18 до 30 лет, большинство из них не были женаты или замужем. Как правило, террористы-смертники – люди со средним или неполным средним образованием, однако отмеча-

¹ Чудинов С.И. Терроризм смертников. – М.: Флинта, Наука, 2010. – С. 88.

² Млечин Л.М. Кто взорвал Америку? – М., 2002. – С. 418.

ется тенденция роста числа «шахидов», мужчин и женщин, с высшим образованием.

Если рассматривать атаки самоубийц в контексте палестинской интифады (началась в 1987 г.), то они явились наивысшей фазой (или даже пиком) применения палестинцами этих средств борьбы. Так, только с апреля 1993 г. по март 1996 г. палестинскими террористами «Джихад Ислами» и ХАМАС было совершено 32 теракта, в результате которых были убиты 127 и ранены 638 израильтян.

По мнению идеологов «шахидизма», теракты самоубийц прославляют роль исламистского движения в этой борьбе. Более того, «смертники-бомбы» самым актом самопожертвования углубляют масштабы исламского сопротивления, привлекают в ряды палестинского «сопротивления» всё новых и новых адептов, готовых на всё ради внедренных в их сознание идей.

*Мотивировка и религиозный аспект шахидизма*¹. Радикальный исламизм создал свою идеологическую концепцию «смерти мучеников». Внедренные в сознание людей идеи «шахидизма» предоставляют их носителям своего рода сакральную санкцию на осуществление террористической деятельности, которая понимается ими не как уголовное преступление, но как «Священная война за веру» – джихад. Поэтому, как бы ни были успешны операции против исполнителей терактов, они продолжатся до тех пор, пока не будут устранены условия, позволяющие взращивать террористов, создавая атмосферу, способствующую пополнению их рядов.

Теракт-самоубийство представляется исламскими радикалами как необходимость, основанная на законах «Священной войны». По их мнению, нет более эффективного способа нанести ущерб, напугать врага и посеять страх в рядах противника, сорвать его планы – и всё это при минимальных потерях.

Одновременно следует подчеркнуть, что самоубийце, выполнившему возложенную на него миссию, идеологами «шахидизма» со ссылками на сакральные источники мусульманства обещана безграничная «милость»: освобождение от личных проблем, великолепная вечная жизнь в раю, присоединение там к остальным «героям ислама»; приобретение почетного социально-религиозного положения для себя и своей семьи; наконец,

¹ Палестинский «шахидизм» описывается на основе обзора «Террор самоубийц и мусульманские экстремистские организации», находящегося на сайте посольства Израиля в РФ.

удовлетворение, полученное от участия в исламском джихаде и в «спасении мусульман».

Духовные наставники (чаще всего – это мусульманские авторитеты, не имеющие прямого отношения к актам террора и даже не являющиеся членами террористических группировок) вводят потенциального самоубийцу в состояние религиозного возбуждения, которое приводит террориста в область «святости» и оставляют его в этом состоянии экстаза до момента исполнения миссии. Тогда важность и значимость жизни в этом мире в сознании террориста становится бессмысленной по сравнению с важностью и значимостью миссии «шахида», а также с тем «будущим», которое его ожидает.

Потенциальному смертнику внушают мысль о том, что его намерения чисты, объясняют, сколь велика дистанция между возложенной на него сакральной миссией и самоубийством по личным мотивам, которое категорически запрещается исламом. Его также убеждают в том, что смерть будет безболезненной (не почувствует ничего, кроме укола) и что он, безусловно, попадет в рай.

Теракты-самоубийства от других форм терроризма отличаются готовностью террориста выполнить «божественную» миссию, которая, несомненно, завершится его смертью. Готовность террориста не случайна. Она основывается на личных качествах добровольца (внутренняя предрасположенность к такому шагу), а главное, является результатом идеологического воздействия на его психику религиозных наставников. У некоторых людей достаточно сильная религиозная мотивировка может привести к готовности отдать свою жизнь за «благородное» дело. Особенно тогда, когда религия обещает значительное посмертное воздаяние, а поступок совершается в условиях кризиса всей общины. В этом случае развивается духовное воодушевление потенциального террориста-самоубийцы, его готовность пожертвовать собой становится необратимой.

Подготовка террориста-самоубийцы. Авторитетный отечественный исследователь «политического» ислама А.А. Игнатенко так описывает практиковавшуюся в раннем Средневековье подготовку к террористическому акту потенциального исмаилитского (низаритского) шахида:

«Вот какой хитростью пользовался глава исмаилитов. Когда он хотел отправить кого-то для убийства противника, то давал этому человеку выпить вина, смешанного с беленой. Человек становился смертельно пьяным, и его переносили в особый сад, где

было всё лучшее из того, что создал Аллах. Там прохаживались служанки и юные рабы удивительной красоты, звучали самые мелодичные в мире музыкальные инструменты. Там подавались блюда – такие вкусные и восхитительные, какие только можно вообразить. Придя в себя после опьянения и видя всё это, человек удивлялся и спрашивал: “Где это я?!” Служанки ему отвечали: “Ты в раю. Твой владыка прислал тебя к нам. Мы – гурии, а то – эфебы...” Потом они обслуживали его наилучшим образом и оказывали ему великие почести.

Он оставался в этом месте целую неделю, пил, наслаждался жизнью в свое удовольствие. Потом служанки поили его вином с беленой, и он впадал в сон. Его переносили домой. Когда он просыпался, то находил рядом свою жену. Тогда он отправлялся к владыке и просил вернуть его в рай. Тот говорил: “Убей такого-то. Если тебя после этого казнят, ты отправишься в место, которое видел. Если вернешься невредимым, я сам тебя туда отправлю”.

Невежественный человек крепко верил в правдивость слов своего хозяина и слепо шел на гибельное дело»¹.

И сегодня существуют определенные приемы, позволяющие человека, выразившего готовность умереть смертью мученика, привести в состояние, из которого уже нет обратного пути. Палестинскими радикальными исламистскими группировками, в частности «Джихад Ислами» и ХАМАС, используются следующие методы психологической подготовки будущих «шахидов».

Особый, религиозный ритуал: доброволец исполняет серию актов, символизирующих уход из земной и вхождение в «святую» сферу, из которой не выйдет до момента исполнения своей миссии. В этой атмосфере сознание террориста впитывает религиозные, идеологические, политические и военные установки. Будничные проблемы отодвигаются на задний план, уменьшается значимость жизни на Земле перед лицом самой важной миссии.

Этот процесс, по сути, есть введение в состояние религиозного экстаза. Например, существует церемония – фиктивные похороны ночью – один из очень сильно воздействующих на психику человека факторов. В процессе таких «похорон» добровольцу читают отрывки из Корана до того момента, когда он «отплывет» к вратам Рая.

¹ Рай исмаилитов (пер. с арабского А. Игнатенко) // Отечественные записки. – 2003. – № 5. – С. 116.

Обещание вознаграждения от Аллаха и мусульманской уммы. В личном плане добровольцу и его потомкам обещается социально-религиозный престиж (станет вторым или третьим после Аллаха и Пророков), чего он никогда бы не смог достичь каким-либо другим путем. Ему обещают вечную жизнь и всевозможные удовольствия в «садах Эдема», вместо земных проблем. Ему внушают, что его смерть, похороны и уход от любимых и близких будут безболезненны. Ему обещают также, что его жертва пойдет на пользу его «большой семье» и гарантирует ей существенную помощь со стороны мусульманского сообщества.

В общественном плане – террорист достигает полного удовлетворения, так как он в существенной степени поддерживает «Священную войну» – Исламский джихад – и влияет на ее итог.

Использование «исламского мифа» – потенциальному террористу-самоубийце предлагается возможность присоединиться к числу «почетных героев ислама». Добровольцу внушается мысль о том, что таким же путем в Эдем попали такие выдающиеся личности, как, например, мухаджиры и ансары Пророка Мухаммеда. Демонстрация сюжетов из истории ислама помогает, таким образом, показать и доказать, насколько важна и позитивна «смерть мучеников» для самого будущего «шахида» и всей мусульманской уммы.

Религиозные наставники также используют сакральные источники мусульманства, в значительной мере свидетельствующие о героизме и славе «шахидов» («мучеников»), приводят несомненные «доказательства» их посмертного будущего.

Прежде всего, доброволец подвергается внушению, что теракты в настоящей обстановке (военной, политической и социально-культурной) являются необходимыми и оправдываются религиозными законами жизни мусульман. Анализируя современную ситуацию и проводя аналогию с событиями прошлого, инструкторы убеждают добровольца в особой значимости его акта самопожертвования.

Ему внушают, что человек создан и живет, чтобы служить Богу. Жизнь – это лишь средство служения Богу. Джихад (Священная война) – это безусловное служение Богу, и смерть в результате джихада есть апогей такого служения. Для мусульман не существует цели выше, чем жизнь во имя Аллаха и смерть за него.

Перед лицом неизбежной смерти будущего «шахида» религиозные наставники подчеркивают обыденность реальной жизни. Тогда такая жизнь представляется «мгновением ока» по сравне-

нию с потусторонней вечной жизнью после смерти; жизнь важна только как средство выполнения предназначения человека – борьбы во имя Бога. Жизнь является только переходом к небесам или аду. В таком случае сам теракт в ходе осуществления исламского джихада считается общественным долгом. Те, кто принимает участие в джихаде, выполняют гражданские обязанности. Когда мусульмане оказываются под чужеземной оккупацией, доказывают идеологи джихада, каждый из них обязан бороться против врага любым доступным способом.

Если у потенциального террориста-самоубийцы появляются какие-либо сомнения и колебания, то его наставники говорят о том, что надо черпать силу у всех предыдущих поколений мусульман, для которых жизнь казалась брэнной и которые хотели встретить Бога, совершив угодные Его воле «героические» поступки, способствуя победе мусульман (примеры: Махди в Судане, Ал-Кассем в Палестине, Хасан ал-Банна в Египте и т.д.).

Идеологи «шахидизма» утверждают, что этот метод в настоящее время применяется в Палестине в силу следующих объективных причин:

а) идет борьба между ныне «слабым миром ислама» и сильным врагом. В такой обстановке обязанность вести джихад лежит на всех мусульманах и может осуществляться любыми средствами;

б) методы борьбы, использовавшиеся до сих пор, не были эффективными, потому что враг обладает лучшим оружием, его разведка и превентивные меры стали более эффективными. Большие трудности существуют и в выполнении заданий: переход, переброска оружия, взрывчатки, других сил и средств через границу с Израилем;

в) для того чтобы нанести врагам максимум потерь и посеять страх в их сердцах, следует прибегать к «шахидизму», используя эффективные для использования в этих целях взрывчатые материалы (самоубийца проникает в центры скопления людей на машине, или сам несет взрывчатку на своем теле и взрывается в соответствующий момент);

г) ведение борьбы другими методами (диверсии, засады, установка фугасов и т.д.) должно продолжаться, особенно если это способствует успеху. Однако враг повысил свою боевую готовность и качество методов противодействия таким атакам. Одно-временно более успешной операция считается тогда, когда жертвами становятся не только те, против кого (вооруженные силы)

данная атака была направлена, но также старики, женщины и дети. Теракты против гражданского населения оправдываются тем, что все израильтяне, без исключения, являются «врагами мусульман»;

д) обеспечивается возможный минимум потерь мусульман (гибнут лишь один-два, реже – три мученика). Одновременно такие акции воодушевляют мусульман, восстанавливают их честь, возрождают мусульманскую гордость, вызывают боевой энтузиазм, вселяют веру в силу и мощь ислама. Самая важная цель акции: триумф ислама, а «шахиды» получают достойное вознаграждение за «спасение» сотен мусульманских женщин, детей и стариков – попадут в рай.

Использование в терактах женщин-самоубийц. Некоторые радикальные исламские группировки считают, что роль женщины состоит в том, чтобы рожать и воспитывать детей, которые в будущем станут бороться против врага. Поэтому для женщин нет места в непосредственной вооруженной борьбе.

Однако многие экстремистские лидеры террористов, например в Палестине, поощряют использование женщин как самоубийц-террористок, как эффективное средство борьбы, так как противнику значительно труднее обнаружить и нейтрализовать их, чем мужчин. Поэтому они и используют женщин, которым в отличие от мужчин легче пробраться с «поясом шахида» в «стан противника», минуя порой полицейские посты, поскольку женщина-бомба нередко выглядит, как беременная. В связи с использованием женщин в качестве шахидов идет спор о «законности» такой практики с точки зрения шариата. Ведь многие знатоки мусульманского права считают, что женщина не имеет права появляться на улице одна, без сопровождения мужчины – мужа или родственника, тем более с «поясом шахида» на теле. Поэтому с точки зрения исламских ортодоксов запрещается использование женщин в качестве живых бомб. Однако радикальные исламисты имеют другое мнение на этот счет.

Хотя в настоящее время за большинством террористических актов с участием смертников стоят исламистские группировки, религиозная составляющая мотивации не столь обязательна для всех исторических разновидностей терроризма смертников. Иногда дух националистической борьбы миноритарной этнической общности и культивируемая в ней идеология самопожертвования доводятся до столь крайнего альтруизма в отношении идеала независимой родины, тесно переплетаясь с чисто восточным культом харизматического лидера повстанческого движения, что

этого может быть достаточно и без религиозных стимулов для воспитания готовности в адептах националистического движения превратить себя в живые бомбы. В качестве примера можно привести соответствующую практику «Тигров освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке или курдских сепаратистов из Рабочей партии Курдистана, устраивавших самоподрывы в Турции и т.д. Националистический компонент был силен даже в самом Ливане, родине современного терроризма смертников, в среде светских националистических партий и группировок Ливана (Сирийская социально-националистическая партия и др.). Однако все же радикальный ислам остается важнейшей культурно-идеологической основой распространения терроризма смертников в современном мире. Более того, именно исламистская интерпретация идеала исламского мученичества легла в основу его глобализированной формы¹.

Вместе с тем количество терактов в мире с использованием самоубийц продолжает оставаться серьезной проблемой для отдельных регионов мира. Например, оккупированный войсками США и их союзников Ирак в этом плане в середине 2000-х годов поставил такие «рекорды», по сравнению с которыми все остальные ареалы использования тактики «шахидов» в мире просто меркли. Пиковыми годами оказались 2005 и 2007-й – 478 и 442 случая использования «живых бомб» соответственно. Однако уже в 2009 г. в Ираке было зафиксировано немногим более 30 акций террористов-самоубийц. Всего же в 2003–2008 гг. в этой стране было зафиксировано около 1700 взрывов, осуществленных смертниками. Другой ареал особой активности «шахидов» – Афганистан, где с 2006 г. ежегодно фиксировалось в среднем по 140 акций самоподрывов². Тогда же в этот разряд вошел и Пакистан, где взрывы самоубийц звучали с нарастающей частотой.

Шахидизм на Северном Кавказе. «Шахидизм» перестал быть локальным явлением, поскольку приобрел глобальный масштаб, распространился по миру, акции «шахидов» фиксируются во многих странах, в том числе и в России, в ее Северокавказском регионе в частности.

Ранее акции «шахидизма» в регионе практически не фиксировались. В истории народов Северного Кавказа, в том числе

¹ Чудинов С.И. Указ. соч. – С. 88–89.

² Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи Постмодерна. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015. – С. 170..

и чеченцев, практически не известны случаи целенаправленного и осознанного самоубийства. Феномен суицида чужд образу жизни и духовно-культурному восприятию северокавказских этносов, в том числе чеченцев. В чеченском языке, например, даже отсутствует термин, обозначающий этот феномен¹.

Для традиционной культуры чеченцев ранее не были характерными акции самоубийства мужчин, а тем более женщин. Намеренная гибель в суннитском правоведении (чеченцы – мусульмане-сунниты. – *И. Д.*) приравнивается к самоубийству, что осуждается исламом: «И они не поклоняются иным богам, кроме Аллаха, и не лишают жизни душу, которую Аллах запретной для убийства сотворил... А те, кто творит это, тот встретит тяжкое воздаяние» (Сура «Различение», 25:68). Убийство человеком самого себя – какова бы ни была причина – запрещено в исламе: «...И не убивайте самих себя...» (Сура «Женщины», 4:29). В соответствии с нормами ислама самоубийца не может попасть в рай, поэтому правоверный мусульманин никогда не пойдет на самоубийство.

В первую чеченскую кампанию (1994–1996) среди воюющей части чеченцев факты «шахидизма» практически не наблюдались, но во второй войне (1999–2009) они стали едва ли не обыденным явлением. Уже в начале 2000-х годов печально известный чеченский полевой командир Ш. Басаев объявил о создании подразделения смертников под названием «Риядус Салихийн» («Сады праведных»), которое не отражало какую-то единую структуру, но было скорее вывеской, под которой лидер экстремистов объявил о своей причастности к подготовке атак смертников. Теракты в Аргуне, Гудермесе, Урус-Мартане, Грозном, Знаменском, Илсхан-Юрте, Моздоке, Назрани, в Москве, Кисловодске и др. были совершены смертниками. Молодые мужчины и женщины, вполне осознавая последствия, шли на эти теракты, в ходе которых гибли совершенно невинные люди.

Как подчеркивает С. Чудинов, во многих отношениях терроризм смертников в Чечне необычен. Во-первых, для него характерен очень высокий процент женщин – исполнительниц атак смертников. Специалисты в области психиатрии и психологии Анна Спекхард и Хапта Ахмедова, проводившие специальные исследования чеченского терроризма смертников, подсчитали, что

¹ Описание «шахидизма» на Северном Кавказе базируется на монографии Акаева В.Х. «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе». – Грозный, 2004. – С. 221–231.

женщины-смертницы принимали участие в 22 из 27 террористических операций с участием смертников (с июня 2000 по май 2005). Их доля среди смертников составила 43% (47 из 110 человек). Что касается объектов покушений, то из 28 террористических операций с участием смертников, осуществленных с июня 2000 по июль 2005 г., десять были нацелены на военные объекты, четыре – на промосковские правительственные учреждения и официальных лиц правительства Чеченской Республики, 14 – на гражданские объекты (из них восемь произошли в Москве). В первые два года атаки смертников происходили только в Чечне и были нацелены на российские военные базы, в последующем наблюдался процесс расширения ареала их осуществления. В 2003–2004 гг. был достигнут пик интенсивности чеченского терроризма смертников, который тем не менее до сих пор остается в республике маргинальным явлением, не одобряемым местной общественностью¹.

В 2009 г. был зафиксирован новый всплеск терроризма смертников на Северном Кавказе, при этом терроризм самоубийц как специфическая практика радикальных исламистов уверенно вышел за пределы Чечни и затронул не только соседние с ней Дагестан и Ингушетию, но и некоторые другие российские регионы, утратив при этом исключительно чеченский этнический облик. В частности, летом 2009 г. было совершено громкое покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова, ответственность за которое взяли впоследствии нейтрализованный Доку Умаров и возрожденные им бригады «Риядус Салихийн». В 2009 г. на территории Чеченской Республики «живыми бомбами» стали десять человек, в Республике Ингушетия – четыре и в Республике Дагестан – один². Террористы-смертники успели отметиться в Северной Осетии, Ставропольском крае и Москве. Эта же тенденция сохранялась в последующие годы. Так, по официальным данным НАК РФ, в 2010 г. из 23 зарегистрированных в стране терактов восемь совершены смертниками, а в 2011 г. из зафиксированных десяти терактов – четыре на счету террористов-самоубийц³. Периодически правоохранительным органам в результате спец-

¹ Чудинов С.И. Указ. соч. – С. 65.

² Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: Сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010. Ноябрь. С. 12.

³ См.: Национальный антитеррористический комитет. [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.gov.ru>

операций удастся ликвидировать или задерживать потенциальных смертников, но далеко не всегда.

Как свидетельствует практика, в основном роли «живых бомб» на Северном Кавказе выполняют юноши и женщины, как правило, так называемые «черные вдовы» (вдовы убитых боевиков, для которых в специфических условиях Кавказа со смертью их мужей заканчивается не только супружеская жизнь, но и в ментальном плане утрачивается смысл жизни как таковой). Подготовка таких смертников ведется групповым методом по специально разработанной методике с использованием зомбирующих технологий, учебно-тренировочных заданий, формирующих жесткие мотивационные установки, с соответствующей атрибутикой и ритуалами.

Однако в последние годы террористами-смертниками стали преимущественно юноши и молодые мужчины. Развертывание на территории регионов России «шахидизма» свидетельствует о мощном влиянии ближневосточных экстремистских организаций на эволюционные процессы в северокавказском радикальном исламе, участии наемников в подготовке и осуществлении террористических актов на Северном Кавказе.

Северокавказским боевикам удалось поставить на поток подготовку и создать резерв потенциальных смертников-самоубийц, а также идеологов и наставников «шахидов» из числа не только зарубежных, но и российских граждан (например, уничтоженный Саид Бурятский). Как подчеркивают эксперты, практика «шахидизма» весьма эффективна: взрывы «живых бомб» составляют 3% всех терактов, совершенных в мире, однако именно на них приходится 48% жертв¹. Что касается России, то за период с августа 1999 по сентябрь 2009 г. террористами-смертниками в различных ее регионах, преимущественно на Северном Кавказе, была осуществлена 41 акция «шахидизма», все они сопровождались далеко не единичными жертвами. Как отмечалось выше, в 2010–2011 гг. зафиксировано еще 12 случаев самоподрывов. Таким образом, в 1999–2011 гг. смертниками совершены 53 террористические акции. Для сравнения: в Израиле за период так называемой «интифады» (первая «интифада» в Палестине вспыхнула в 1987 г., вторая – в 2000-м) взорвали себя 59 палестинцев². Иными

¹ Нечитайло Д.А. Запал для «умной бомбы» // НГ-религии. – 2009. – 16 сент.

² Сухов И. Марш смертников // Время новостей. – 2009. – 18 сент.

словами, по количеству «живых бомб» Северный Кавказ уверенно догонял Палестину, а по частоте применения практики терроризма самоубийц явно ее превосходил. Правда, следует отметить, что безусловными лидерами по проведению акций террористов-самоубийц в те же годы выступали Афганистан и Ирак, оккупированные войсками США и их союзников. Ежегодно там, а также и в Пакистане фиксировались сотни акций самоподрывов.

Вместе с тем самоубийство запрещено не только исламом, но и более древней правовой культурой – адатами горцев Северного Кавказа. В соответствии с ними самоубийца не может быть похоронен на кладбище, где похоронены его родственники. Обычно его хоронят за оградой кладбища, а чаще вообще скрывают место захоронения.

Участившиеся случаи самоубийства в первое десятилетие нынешнего века среди северокавказских горцев – само по себе явление экстраординарное. «Шахидизм» – чуждый кавказской ментальности и традиционному социокультурному бытию феномен, однако определенными силами он настойчиво навязывается местным народам.

В результате в отмеченный период времени «шахидизм» стал едва ли не обыденным явлением на Северном Кавказе. Террористические акты в Грозном (27 декабря, 2002), Знаменске (12 мая, 2003) и Илсхан-Юрте (14 мая, 2003) были совершены «камикадзе». 5 июня 2003 г. женщина-самоубийца совершила теракт в Моздоке, в результате чего погибли 18 человек. 6 июня 2003 г. в Грозном был взорван жилой дом, при этом погибли десять человек, из них восемь детей. В Моздоке был совершен теракт, в результате чего полностью разрушен военный госпиталь, погибли более 100 человек, в 2014 г. вновь был зафиксирован акт самоподрыва в центре Грозного и т.д.

Однако, к сожалению, официальное мусульманское духовенство долгое время не уделяло должного внимания вопросу теоретико-идеологического противодействия терроризму под прикрытием ислама в его самой острой форме. Отчасти это объясняется тем, что представители традиционных исламских структур, будучи незащищенными от насилия со стороны боевиков, не рискуют, даже бояться открыто противодействовать им. Для этого есть основания: в последние два десятилетия на Северном Кавказе от рук террористов погибли более 50 служителей мусульманского культа. Так, в 2003 г. в Шатое (Чечня) были убиты сын муфтия Чечни А.-Х. Шамаева и трое его односельчан. В селении

Элистанжи Веденского района убит авторитетный мулла, имам мечети. Покушение на убийство с применением практики «шахидизма» было осуществлено в отношении А.-Х. Кадырова, бывшего муфтия, а затем и президента Чечни. И таких примеров, в том числе по другим северокавказским республикам, немало.

Вместе с тем терроризм, будучи социально-политическим, а вовсе не религиозным явлением, зачастую облекается в исламскую, точнее в исламистскую, форму. Как отмечает известный отечественный исламовед А.А. Игнатенко, «террористы (если они мусульмане) представляют совсем не тот ислам, которым руководят облеченные должностями исламские лидеры, и, наверное, не станут их слушать, даже если те и захотят что-то сказать террористам. У меня есть ощущение, что все теракты последнего времени с участием мусульман – в США, Индонезии, на Филиппинах, в России, других местах – планируются и осуществляются таким образом, чтобы происходила радикализация и, если можно так выразиться, “экстремизация” ислама и мусульман вследствие неминуемого общественного ответа (а он, естественно, всегда негативен) на подобные террористические акты. Образно говоря, это похоже на то, как какие-то боевики или террористы ведут огонь из мирных кварталов, а силы правопорядка волей-неволей наносят удары по этим кварталам, вследствие чего могут пострадать и мирные жители, вынужденно становящиеся затем боевиками»¹.

Таким образом, современный «шахидизм» – прежде всего, именно социально-политический феномен. Ведь при совершении ответных силовых действий мусульманин не имеет права применять насилие, выходящее за рамки допустимого исламом. Важно отметить и то, что ислам призывает мусульман к тому, чтобы они не убивали самих себя, воздерживались от мерзостей и преступлений, что говорит о высоком духовном потенциале, заложенном в текстах Корана и Сунны Пророка Мухаммада. Все это дает основание утверждать, что терроризм, а тем более «шахидизм», связанные с чрезмерным насилием, не имеют ничего общего с нормативным, ортодоксальным исламом. Вышеназванные явления могут быть отнесены исключительно к радикальному исламизму.

*Статья представлена авторами для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

¹ Цит. по: Акаев В.Х. Указ. соч. – С. 227.

Юсупова Н.Ж.,
кандидат юридических наук, доцент,
Ташкентский исламский университет
**ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ**

Согласно Конституции Республики Узбекистан, религия отделена от государства. Но она не отделена от общества. Роль и место религии в делах общества постоянно повышаются, так как она должна помочь обществу в нравственном развитии.

В нормах исламского права определены правила поведения людей в семье и обществе, в них освещены религиозные, нравственные, правовые и этические вопросы общества. Согласно ст. 2 Семейного кодекса Республики Узбекистан, регулирование семейных отношений осуществляется на основе принципа добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства личных и имущественных прав супругов, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Все граждане имеют равные права в семейных отношениях. Не допускается какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых, либо косвенных преимуществ при вступлении в брак, вмешательство в семейные отношения в зависимости от пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения и других обстоятельств. Права граждан в семейных отношениях могут быть ограничены только на основании закона, и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, чести, достоинства, здоровья, прав и охраняемых законом интересов других членов семьи и иных граждан.

Равноправие мужчин и женщин в браке основывается также в ст. 46 Конституции, где гарантируется равноправие мужчин и женщин.

Надо отметить, что законодательство Республики Узбекистан дает возможность применения местных обычаев и традиций в семейных отношениях. В ст. 8 Семейного кодекса говорится: «При отсутствии в законодательстве соответствующих норм в регулировании семейных отношений применяются местные обычаи

и традиции, не противоречащие принципам законодательства Республики Узбекистан»¹.

В исламском праве брак считается священным актом, семья является обязательным условием совместной жизни. Исламское право не допускает безбрачное проживание мужчины и женщины. Это обстоятельство служило укрепляющим фактором в семейных отношениях.

«В связи с тем, что брак во все времена считался основой семьи в Узбекистане, ему придавалось особое значение в первую очередь со стороны религии, и затем он контролировался и защищался государством и обществом»².

В Коране указывается: чтобы люди могли жить в мире и согласии, быть милосердными в обществе, воспитывать достойных детей и достичь душевного спокойствия, необходимо, чтобы брачные узы были крепкими.

В исламском праве развод не одобряется, допускается только в случае невозможности совместного проживания. Об этом говорится в Хадисах Пророка: «Женитесь, не говорите “талок” (даю развод), так как от этого слова Арш (трон) Аллаха содрогнется»³.

В исламском праве предусмотрены следующие условия для заключения брака: свободное волеизъявление бракосочетающихся мужчины и женщины; заключение брака при свидетелях; душевное здоровье сочетающихся браком мужчины и женщины; они не должны быть близкими родственниками; они должны достичь брачного возраста; мужчина должен дать женщине махр (приданое).

Взаимное согласие является основным условием брака по исламской религии, а принуждение к вступлению в брак запрещается. В Семейном кодексе Республики Узбекистан тоже заложен такой же принцип: «Брак заключается добровольно. Для заключения брака необходимо, чтобы будущие супруги обладали способностью свободно выражать свое согласие. Принуждение к заключению брака запрещается»⁴.

¹ Семейный кодекс Республики Узбекистан. – Т.: Адолат. 2007. – С. 101.

² Мухамедов Р. Конституция – основа брачных и семейных отношений. – Т.: Наука, 2001. – С. 14.

³ Хикматуллаев Х., Мансур А. Хадисы на тему нравственности и воспитанию. – Т.: «Фан», 1990. – С. 12.

⁴ Семейный кодекс Республики Узбекистан. – Т.: Адолат. 2000.

Надо сказать, что согласие женщины особенно важно. Об этом есть Хадис: «Абу Хурайра (р.а.) свидетельствует: «Пророк Мухаммад (с.а.в.) сказал: “Девственницу не выдают замуж без ее согласия, а женщину не выдают замуж без обсуждения этого вопроса с ней”. Сподвижники спросили: “О, Посланник Аллаха, как можно узнать о согласии девственницы?” – “Если она молчит, значит, она согласна!” – ответил Пророк»¹.

«В молчании сильно выражено согласие. Так как девушка стесняется открыто выражать свое согласие, она не стесняется выражать открыто свое несогласие. Улыбка девушки означает большее согласие, чем ее молчание. А ее плач, наоборот, говорит о ее несогласии. Плач девушки означает, что она не хочет выходить замуж...»²

Исламское право требует обязательное участие свидетелей при заключении брака: двух мужчин или одного мужчины и двух женщин. Брак, заключенный без участия свидетелей, недействителен, незаконен. Пророк (с.а.в.) сказал: «Брак без свидетелей не является действительным браком»³.

Целью участия свидетелей при заключении брака является оповещение людей о создании новой семьи. Факт создания семьи должен быть официально объявлен и доведен до сведения людей. Пророк Мухаммад (с.а.в.) сказал: «Брак разделяет чистое, разрешенное, от нечистого, запретного, и поэтому объявите о нем гласно и трубите громко»⁴.

В исламском праве дополнительное условие брака называется «кафоат». Кафоат – по словарю означает «быть равными», «быть достойными». В исламском праве это означает то, что сочетающиеся браком люди должны быть равными и соответствующими друг другу. Равенство в браке означает равенство в следующих шести позициях: происхождение, религия, свобода, богатство, профессия и вера. На наш взгляд, эти условия относительны. К тому же эти условия, в основном, должны быть у мужа. Потому что эти условия вытекают из социального расслоения общества

¹ Абу Абдуллох Мухаммад Ибн Исмоил ал-Бухорий. Хадис. – Т.: Главная энциклопедическая редакция, 1997. – С. 350.

² Бурхониддин Маргинани. Ал-Хидоя. Т. 1. – Т.: Узбекистан, 1994. – С. 669.

³ Ал-Имом Ахмад ибн Ханбал. «Мавсуъат хадиса». Муснад. – Байрут: «Муассасат ал рисола», 1999. – Т. 4. – С. 394.

⁴ Абу Абдуллох Мухаммад Ибн Исмоил ал-Бухорий. Хадис. – Т.: Главная энциклопедическая редакция, 1997. – С. 353.

и регулируются самим сообществом людей. Надо отметить, до сих пор встречаются такие явления, как деление людей по происхождению, достатку и т.д.

Одним из особенных аспектов исламского права является дарение жене – махр. Неизбежность махра служит гарантией от поспешного расторжения брака любой из сторон брачного союза.

Махр – материальная ценность, отдаваемая женщине за то, что она приняла приглашение мужчины на заключение с ним брака.

В семейном и брачном законодательстве исламского права также подробно изложены категории женщин, на которых запрещается жениться. В 21-23 аятах Суры «Нисо» Корана сказано следующее: «Не женитесь на тех женщинах, на которых были женаты ваши отцы, если только это произошло раньше. Поистине, это – мерзость и отвращение и скверно как путь! И запрещены вам ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери брата, и дочери сестры, и ваши матери, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению, и матери ваших жен, и ваши воспитанницы, которые под вашим покровительством от ваших жен, к которым вы уже вошли; а если вы еще не вошли к ним, то нет греха на вас; и жены ваших сыновей, которые от ваших чресел; и – объединять двух сестер, если это не было раньше. Поистине, Аллах прощающий, милосердый!»¹. На наш взгляд, запрещение таких браков в нормах исламского права обоснованы с точки зрения этики и биологии. Эту точку зрения подтверждают и данные современной медицинской науки. По данным биологических исследований, стало известно, что если браком сочетаются неблизкие, чужие люди, то потомки будут здоровыми. В ст. 16 Семейного кодекса Республики Узбекистан четко описаны основания, исходя из которых запрещено сочетаться браком: «Не допускается заключение брака: между лицами, из которых хотя бы одно состоит уже в другом зарегистрированном браке; между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными (удочеренными); между лицами, из которых хотя бы одно признано судом недееспособным вследствие психического расстройства (душевной болезни или слабоумия)»².

¹ Абдулазиз Мансур. Перевод и толкование значений Корана. – Т.: Ташкентский исламский университет, 2001.

² Семейный кодекс Республики Узбекистан. – Т.: Адолат. 2000. – С. 103.

Благоприятное течение жизни после брака зависит от многих условий. Тот, кто хочет быть счастливым в браке, жить спокойно и размеренно, создать прочную семью, должен серьезно относиться к выбору спутника жизни. Это особо подчеркивается в исламе. Пророк Мухаммад (с.а.в.) сказал: «Жен выбирают исходя из четырех факторов: из ее богатства, из ее красоты, из ее социального происхождения или из ее религии и религиозности. Ты выбирай верующую». Как видно из этого Хадиса Пророка, происхождение, достаток и красота женщины тоже важны, но важнее ее поведение, вера. Ее религиозностью определяется ее честность, чистоплотность, порядочность, человечность.

Также ислам установил, что будущие молодожены могут увидеться до брака для того, чтобы в будущем создать прочную, осознанную семью. Согласно Хадису, рассказанному Имамом Ахмадом, Ибн Можжа и Имамом Термизи, «Мугира ибн Шуъба (р.а.) решил посвататься к одной девушке. Пророк Мухаммад (с.а.в.) сказал ему: “Пойди и посмотри на девушку, поговори, это может служить появлению любви между вами”»¹. Ислам, как религия мира, предпринимает все возможное к тому, чтобы будущая семья была создана на основе взаимного уважения и взаимной любви.

Обобщая вышесказанные доводы, можно заключить, что ислам рассматривает брак как союз двух равноправных людей, созданных свободно, добровольно и на основе норм шариата. В результате такого брака возникают права и обязанности молодоженов. Это личные имущественные и неимущественные права мужа и жены.

Надо отметить, что не все отношения между мужем и женой регулируются законодательством. Здесь важны и личные качества. Многое регулируется на основе норм этики и на основе любви, взаимного уважения и поддержки.

Супруги пользуются в семье равными правами и несут равные обязанности. Вопросы воспитания детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно.

В шариате есть некоторые аспекты, которые касаются именно женщины в вопросах воспитания ребенка. Это – кормление ребенка – «ал-ризоъа».

¹ Ал-Имом Ахмад ибн Ханбал. «Мавсуъат хадиса» Муснад. – Байрут: Муассасат ал-рисола, 1999. – Т. 4. – С. 394.

Кормление ребенка (ал-ризоъа). Появление человеческого потомства и его воспитание во многом зависит от женщины. Этот процесс сопровождается многими трудностями, и важно, чтобы общество признало эти труды и тяготы, переносимые женщиной. Беременность женщины, рождение ребенка, долгое ухаживание и кормление требуют больших усилий и терпения со стороны будущей матери. В этот период сама женщина тоже нуждается в помощи и ухаживании. Если мы обратим внимание на нормы исламского права, то можем констатировать, что в период беременности и лактации женщина защищается, о ней заботятся. Например, по шариату молоко матери считается самой полезной пищей для грудного ребенка. Шариат не запрещает требовать от мужа оплатить усилия и траты жены за кормление ребенка, и это считается признаком нормального поведения. Ответственность за кормление детей в исламе возлагается на мужа. Если мать не хочет кормить ребенка, боясь своего ослабления, или не может делать это из-за слабости, болезни или отсутствия молока, отец обязан найти для ребенка другую кормилицу, так как обеспечение питанием младенца тоже является обязанностью отца. Во-первых, питание грудным молоком – определенное Аллахом право ребенка. Во-вторых, в определенный период молоко матери считается исламом самым полезным питанием для детей. Аллах в Коране, в 233-аяте Суры «Бакара» установил: «Матери должны кормить своих детей грудью полных два года, если они хотят довести кормление грудью до конца. А тот, у кого родился ребенок, должен обеспечивать питание и одежду матери на разумных условиях. Ни на одного человека не возлагается сверх его возможностей. Нельзя причинять вред матери за ее ребенка, а также отцу за его ребенка»¹.

Исламские правоведы спорят по вопросу кормления: «Мать обязана кормить ребенка или не обязана?» Согласно ханафитскому направлению в исламе, если ребенок не хочет кормиться у другой кормилицы или нет другой кормилицы либо муж не имеет средств для оплаты другой кормилицы, то мать обязана кормить своего ребенка. Можно заключить, что кормление ребенка – задача женщины с точки зрения ее совести и этичности, а не обязанность, возложенная шариатом.

Имущественные права и обязанности супругов. Согласно исламскому праву, на основе законного брака (сахих никох)

¹ Абдулазиз Мансур. Перевод и толкование значений Корана. – Т.: Ташкентский исламский университет, 2001.

возникают следующие имущественные права: махр (приданное, подарок), нафака (пенсия, оплата) и наследство. Получение махра и оплаты (нафака) – право женщины, а права на наследство – право мужа и жены.

Махр. По поводу махра существуют различные мнения. Например, критически оценивавший семейное право в исламе исследователь М. Машанов пишет: «Несомненно, такой брак включает в себя все признаки купли-продажи: с одной стороны, как продаваемый товар предлагается женщина, с другой – как покупатель выступает жених, он дает назначенную цену (махр)»¹. Также Л. Шайдуллина приходит к поверхностному заключению о том, что исламский брак – «это договор купли-продажи, мужчина покупает себе женщину»². Но махр – это собственность жены, «ведь махр не только обеспечивает существование женщины, но и укрепляет связи между мужем и женой, так как мужчина, желающий развестись с женой, обязан полностью возместить махр». Махр не превращает брачный союз в договор купли-продажи и не унижает женщину. Жена – не объект исламского брачного контракта, а его субъект. Она сама получает махр. Махр – это признак благодарности за согласие женщины вступить в брак с мужчиной. Махр не является условием исламского брака, а является обязательством, вытекающим из него. Исходя из этого, в ханафитском мазхабе брак считается законным даже без определения махра, в этом случае надо отдать женщине средний размер махра, установленный для этого региона (махри мисл). В других школах ислама, например в шафеевском мазхабе, махр является обязательным условием брака. Махр принадлежит женщине. Без ее согласия нельзя распоряжаться им или какой-либо его частью. В заключение можно сказать, что махр является личным имуществом женщины, она сохраняла право на него даже после развода, и это служило гарантией ее содержания после развода.

Нафака (обеспечение). Одним из имущественных прав женщины, вытекающим из брачного контракта, является получение обеспечения (нафака). «Нафака» в словаре означает «растратить». Исламское право под этим словом обозначает обеспечение муж-

¹ Машанов М. Мухамеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ баромъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человека. – Казань: Типо-и литографія К.А. Тилли, 1876. – С. 143, 67, 68.

² Шайдуллина Л. Арабская женщина и современность (эволюция ислама и женский вопрос). – М., 1978. – С. 107, 116.

чиной жены, детей и родителей продуктами питания, одеждой и местом для проживания. В книге «Ал-Хидоя» говорится: «Нафака – основа проживания мужа и жены и гарантия продолжительности и прочности семьи»¹.

В заключение можно сказать, что в исламе основное священное условие создания семьи – это брак. Значит, по мусульманским правилам, создание семьи и воспитание достойных потомков должно осуществляться через единственную и основную заповедь – это одобренный брак по шариату.

В исламе семья основывается на законах, обеспечивающих естественные, биологические и физиологические человеческие потребности, его душевное воспитание и материальное положение.

Ислам, призывая к брачным отношениям, заключенным по шариату, подчеркивает следующую пользу: брак обеспечивает стабильность морально-этических нравов и препятствует их падению в обществе; законный брак обеспечивает общественное единство, согласие и нерушимость; брак, являясь гарантией здорового общества и всего человечества, предохраняет их от различных опасных заболеваний; брак учит людей ответственности; брак сохраняет здоровое наследие.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

¹ Бурхониддин Маргинани. Ал-Хидоя. Т. 1. – Т.: Узбекистан, 1994.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2018 – 1 (307)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 6/III-2018 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,0 Уч.-изд. л. 6,5
Тираж 250 экз. Заказ № 15

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9